

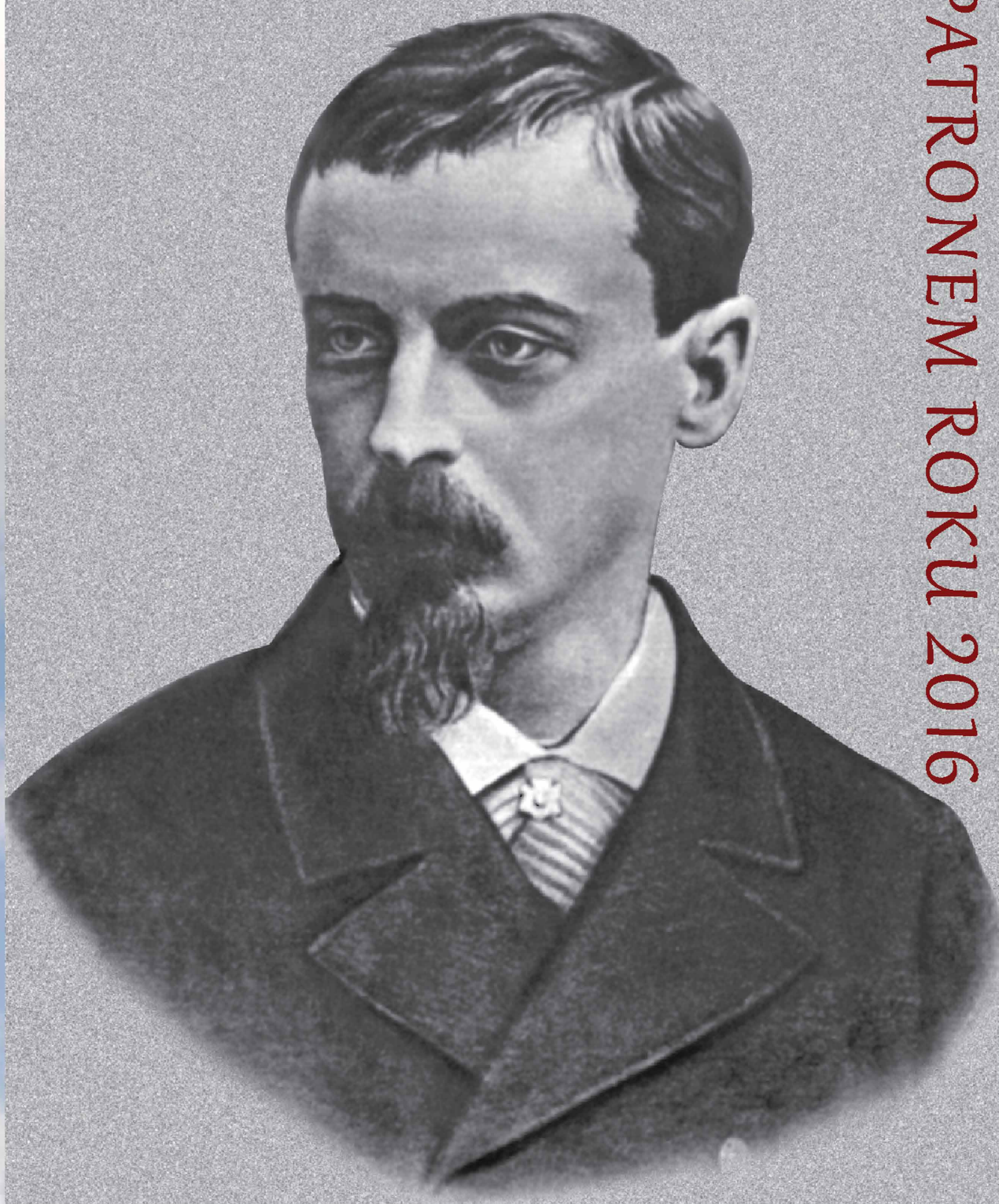

WIADOMOŚCI POLSKIE
ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

2 (50) - 2016

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

HENRYK SIENKIEWICZ

ПАТРОНЕМ РОКУ 2016

Дни польской культуры

2 мая, во всемирный День Полонии и поляков за границей, а также День польского флага, в Детской художественной школе им. В. А. Пташинского состоялось открытие Дней польской культуры на Кубани.

Начало мероприятий было также связано с Первомайским праздником весны и труда и Днём польской Конституции 3 мая 1791 г.

В рамках открытия Дней польской культуры особое внимание

было уделено 1050-летию крещения Польши. Празднование крещения Польши является не только памятью об историческом событии, которое положило начало христианству на польских землях и стало истоком польской государственности, но и поводом задуматься о последствиях этого факта для настоящего и будущего. Дата 14 апреля 966 г., то есть день, когда был крещён первый исторический правитель Польши Мешко I, считается началом существования польского государства. Мешко I, приняв крещение, присоединился к другим европейским правителям-христианам. В результате христианизации в Польшу начали приезжать священники, создавая центры христианской

культуры. Мешко I принял крещение из Чехии, в то время уже христианского государства, откуда родом была его жена, княгиня Дубравка.

Вниманию краснодарских зрителей была представлена презентация фильмов о крещении Польши, организованная Натальей Тутыгиной совместно с учащимися воскресной школы Польского центра «Единство».

Ученица школы Анастасия Кирячек представила зрителям свою работу, посвящённую сравнительному изучению крещения Польши и Руси.

Торжества завершились выступлением ансамбля «Польские цветы» («*Polskie Kwiaty*») под руководством Лоры Козловской.

9 мая члены Польского национально-культурного центра «Единство» участвовали в праздничных мероприятиях, посвящённых Дню Победы, в том числе в церемонии возложения венков и цветов к мемориалу «Вечный Огонь» и обелиску погибшим воинам на Всесвятском кладбище в Краснодаре.

15 мая в Краснодарской центральной городской библиотеке им. Н. А. Некрасова в рамках празднования Года Генрика Сенкевича состоялся культурно-просветительский вечер «Время в пространстве польской культуры». Г. Сенкевич (1846–1916) стал

лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1905 года и является одним из самых рейтинговых польских писателей.

Работники библиотеки подготовили выставку изданий великого польского писателя на русском языке. Участники мероприятия познакомились с жизнью и деятельностью Г. Сенкевича, а также с фильмографией по произведениям нобелевского лауреата. В частности, вице-председатель Польского центра «Единство» Ян Карбовницкий сделал обзор фильмов, снятых по книге «*Quo Vadis?*».

В рамках мероприятия были подведены итоги конкурса «Эпоха

Сенкевича». Памятные призы получили Полина Карбовницкая, Сергей Новоженин, Светлана Селицкая, Лиза Сухомлинова и Андрей Трофимов.

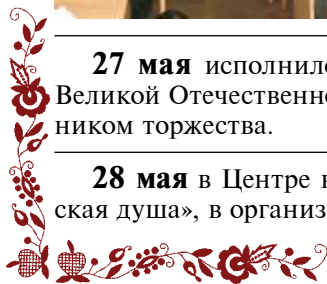
Во время праздника прозвучали отрывки из произведений писателя на русском и польском языках, а также проведена викторина о творчестве Г. Сенкевича.

27 мая исполнилось 90 лет со дня рождения старейшины Польского центра «Единство» — ветерана Великой Отечественной войны Александра Багинского, который стал дорогим и самым почётным участником торжества.

28 мая в Центре национальных культур Кубани прошёл юбилейный X краевой фестиваль «Славянская душа», в организации которого традиционно приняли участие члены Польского центра «Единство».

С танцевальной композицией «Краковяк» выступил молодёжный коллектив «Новый Мир» («*Nowy Świat*») под руководством Михаила Саргсяна-Пеньковского.

на Кубани 2-29 мая 2016 г.

Посольства Республики Польша в Москве. Поддержали польский праздник солисты театра-студии «Духовный синтез», действующего на базе Краснодарской краевой общественной организации «Общество русской культуры» под руководством Татьяны Брусковой.

29 мая в актовом зале Центра национальных культур состоялось торжественное закрытие Дней польской культуры, в рамках которого был организован концерт, включивший в себя музыкальные и поэтические номера, подготовленные членами КРОО ПНКЦ «Единство». Мероприятие было организовано при поддержке администрации Краснодарского края, города Краснодара, ККОО «Центр национальных культур», МКУ «ОИЦ г. Краснодара» и Посольства Республики Польша в Российской Федерации. Перед собравшимися выступили представители краевых и городских властей, руководства ОИЦ и ЦНК, а также консулы Рафал Косиба и Якуб Высоцкий из консульского отдела

Концертную программу фестиваля по традиции начал юный представитель кубанской Полонии пианист Мирослав Костенко с произведением Фридерика Шопена.

Зажигательным народным польским танцем программу продолжил молодёжный танцевальный коллектив «Nowy Świat». Затем прозвуча-

ника вечера – Дмитрия Ковальского. Он прочёл стихотворение «Хейналист» на тему легенды о краковском трубаче, который спас город от нашествия татар.

Завершились торжества награждением юных художников, принимавших участие в XII Международном конкурсе

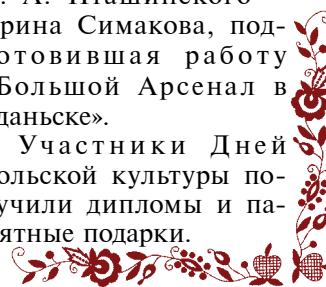

Чествование юбиляра Александра Багинского

ли вокальные номера в исполнении Сергея Дейко, Андрея Живенкова, Анастасии Окулинской, ансамбля «Polskie Kwiaty» (руководитель – Лора Козловская), детского ансамбля народной песни «Заряночка» (руководитель – Елена Балковская), ансамбля «Черноморские мечты» («Czarnomorskie Marzenia») из Новороссийска (руководитель – Юрий Баль). Состоялся дебют участ-

детского изобразительного творчества «Россия-Польша». Гран-при завоевала ученица краснодарской детской художественной школы им. В. А. Пташинского – Арина Симакова, подготовившая работу «Большой Арсенал в Гданьске».

Участники Дней польской культуры получили дипломы и памятные подарки.

TRADYCYJNIE Festiwal jest zorganizowany przez regionalną organizację „Zjednoczone Polskie Serca” i jej przewodniczkę Panią Irenę Degojewą-Soboń. Honorowymi gośćmi Festiwalu byli przedstawiciele Ambasady RP w Moskwie – szef Wydziału Konsularnego pani Dorota Mamaj oraz wicekonsul do spraw Polonii pan Rafał Kosiba.

W uroczystości wzięli udział przedstawiciele polskiej społeczności z Południa Rosji (z Nowopawłowska, Noworosyjska, Rostowa nad Donem, Stawropola), a także członkowie innych wspólnot narodowych, administracji miejskiej Żeleznowodzka.

Nie przez przypadek na Północnym Kaukazie (jednym z najbardziej wielokulturowych regionów Rosji) od dawna odbywają się Festiwale Kultury Polskiej, zachęcając w ten sposób wszystkie narody do egzystencji w pokoju, harmonii i dobrym sąsiedztwie,

Festiwal

2 maja 2016 roku w miejscowości wypoczynkowej Żeleznowodzsk, wchodzącej w grupę uzdrowisk Kaukaskich Wód Mineralnych odbył się Festiwal Kultury Polskiej. Został on poświęcony trzem wielkim datom: Dzień Polonii, czyli Święto Polaków zamieszkałych poza granicami swej historycznej ojczyzny, polskie święto narodowe Konstytucji Trzeciego Maja, poświęcone ustaleniu pierwszej demokratycznej konstytucji w Europie i oczywiście Święto Zakończenia II Wojny Światowej.

oraz podkreślając znaczenie utrzymania polskich zwyczajów i tradycji. O tym zagajali zarówno gospodarze jak i goście Festiwalu.

Zauważono również, że takie wydarzenia są ważne dla rozwoju stosunków między Polską i Rosją, a także

zjednoczenia organizacji polonijnych działających na terenie Rosji. Jest to świetna okazja, aby zobaczyć i docenić stałe, codzienne, żmudne prace prowadzone przez przywódców i członków Polonii.

W Galerii Puszkina – jednym z najbardziej pięknych i zabytkowych budynków Kaukaskich Wód Mineralnych w parku miasta Żeleznowodzka, odbyły się występy zespołów artystycznych. W programie koncertu znalazły się polskie pieśni, umiejętnie wykonywane przez zespół „Wiosna” z Kaukaskich Wód Mineralnych, piękne tańce i pieśni z różnych regionów Polski pokazały chłopcy i dziewczęta z zespołu „Polskie Kwiaty” z miasta Jarosławia, z ulubionymi polskimi melodiami wystąpił kwartet z Noworosyjska „Czarnomorskie Marzenia”. Grupy taneczne z diaspor Gruzji i Osetii przekonały wszystkich ognistymi tańcami kaukaskimi. Czyli było to wielokulturowe i integrujące święto!

W parku wypoczynkowym w pobliżu galerii zorganizowano wystawę wyrobów lokalnych rzemieślników i artystów.

w Żeleznowodsku

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснодар, 2016, № 2 (50)

Осенью 2015 года история многолетних поисков могилы поляка Януша Карасинского на бескрайних просторах бывшего Советского Союза благополучно завершилась в посёлке Ильском Северского района Краснодарского края (подробнее об этом см. «Польские Ведомости», № 3 (47) за 2015 год).

ИЩИТЕ ДА ОБРЯЩЕТЕ (2)

ЗИМА не заставила себя долго ждать, но особых сюрпризов она не принесла – на Кубани зимы мягкие, дождливые. Мне некогда было думать о плохой погоде – вечерами я вёл переписку со вновь обрётёнными польскими друзьями, которых я никогда не видел – пани Барбарой и её братом паном Анджеем.

Стало ясно, что на апрель 2016 года Карасинские планируют приезд в Краснодар, и им для этого нужно было решить множество организационных вопросов – подобрать подходящие и недорогие рейсы (прямого сообщения с Вроцлавом, конечно, не существует), хлопотать о визах, забронировать гостиницу, сориентироваться в курсах валют и прочее.

Непростая задача для людей в пожилом возрасте, но долг детей по отношению к отцу был выше всего. Немного уставшие после двух пересадок – в Варшаве и Москве, но довольные, Барбара и Анджей прилетели ночью в Краснодар.

Радовала и погода – цветущие каштаны и комфортная температура приятно удивили наших гостей – со слов пани

Барбары, во Вроцлаве в это время значительно холоднее.

Тёплая встреча в аэропорту, заселение в гостиницу, а на утро – выезд в посёлок Ильский. Родственники в Ильском были заранее нами предупреждены, и встреча с Карасинскими неожиданной для них не была. Разговор со вновь обрётённой семьёй (в лице вдовы брата Игоря Галины) был долгим. Барбару и Анджея интересовало буквально всё – каков был их отец? Где он работал? Кем? Как складывались его отношения с близкими и друзьями? Что стало с его сыном? Ну, и главное – почему за столько лет так и не удалось восстановить с ним прямой контакт?

Как мог, я синхронно переводил с польского на русский и обратно. Помогал мне и пан Анджей – как оказалось, он вполне сносно владел русским, хотя и немного стеснялся (в социалистической Польше изучение русского языка в школе было обязательным).

Выяснилось, что вторая жена покойного Януша Карасинского была против контактов с родственниками из Польши. Сводный брат Барбары и Анджея Игорь очень хотел увидеть своих

сестру и брата, но, увы, в первой половине 90-х он ушёл из жизни, а его ныне здравствующая вдова Галина, радушно принимавшая нас в крохотной квартирке на окраине Ильского, польского почти не знала и вопросом этим по состоянию здоровья своего уже не занималась.

Обмен фотографиями, контактами, выезд на кладбище. Как оказалось, скромная, но ухоженная могила Януша Карасинского расположена совсем недалеко от входа на кладбище, там же неподалёку упокоился и его сын Игорь. Конечно, я бы так или иначе нашёл бы их – кладбище, повторюсь, огромное, а ныне этот участок кладбища уже закрыт. Показала нам Галина и пустырь, на котором стоял ранее дом, в котором жили Карасинские – именно этот адрес и фигурировал в справках Красного Креста СССР. Дом давно снесён (мы встретились с Галиной в квартире, полученной ею от муниципалитета после сноса), и именно поэтому случилась такая неразбериха.

Обратный путь в Краснодар прошёл в полном молчании, но это было молчание людей, осмысливавших произошедшее, и ощущавших удовлетворение от сделанного (конечно, я имею в виду Карасинских – я свою миссию посчитал выполненной ещё осенью, а выезд в Ильский был просто делом техники).

В Краснодаре я отдал пани Барбаре оригинал свидетельства о смерти её отца.

Казалось бы, вот и всё?

Но Барбара и Анджей пробыли в Краснодаре ещё три полноценных дня. Польская община Кубани, конечно, не могла оставить без внимания приглашённых ею гостей из Польши. Краеведческий музей, Центр национальных культур, Художественный музей им. Коваленко, прогулки «польскими следами Екатеринодара – Краснодара», визит в Костёл – время пролетело незаметно.

Провожая наших гостей в аэропорту, мы знали, что сделали всё, что только возможно, чтобы они запомнили и полюбили наш Краснодар. Придут ли они сюда ещё раз? Кто знает...

Ян КАРБОВНИЦКИЙ

Страстный патриот и великий писатель

Генрик Сенкевич (полное имя – Генрик Адам Александр Пий Сенкевич) родился на Подлесье, в имении Воля-Окшейска неподалёку от Лукова, 5 мая 1846 г. Польский писатель, лауреат Нобелевской премии, он был потомком древнего шляхетского небогатого рода, почитавшего военные традиции.

ПОСЛЕ утраты имения в 1863 г. родители будущего писателя перебрались в Варшаву, и Генрик стал учащимся местной гимназии, а в 1867 г. поступил в Главную школу (в 1869 г. она была преобразована в Императорский университет). Мать хотела, чтобы сын стал врачом, но уже спустя год с более «перспективного» медицинского факультета Генрик перешёл на историко-филологический, поскольку имел склонность к литературе. Студенчество было непростой порой в биографии Сенкевича: ему приходилось подрабатывать гувернёром, репетитором, так как материальное положение оставляло желать лучшего. К этому же периоду относится начало его литературно-критической деятельности.

Генрик не сдал итоговый экзамен по греческому языку и перестал заниматься в университете в 1871 г. Источником заработка для него было сотрудничество с местной газетой. Дебют в печати относится к 1869 г., когда его работы впервые опубликовал журнал «Еженедельное обозрение». В 1872 г. увидела свет его первая повесть «Напрасно», повествующая о неудавшемся польском восстании 1863 г.

С 1873 г. Генрик Сенкевич постоянно работает в «Газете польской» в качестве фельетониста, а со следующего года – становится сотрудником еженедельника «Нива», возглавляя литературный отдел. Написанные в начале 1870-х гг. рассказы, а также опубликованная

в 1876 г. повесть «Ганя» свидетельствуют о том, что их автор испытывает явную симпатию к ушедшей эпохе благородных рыцарей и прекрасных дам.

На протяжении 1876–1879 гг. Генрик Сенкевич путешествовал по европейским странам и США. Во время странствий он знакомился с простыми людьми, а свои впечатления изложил в очерках и рассказах цикла «Письма из путешествия», публикуемых в 1876–1878 гг. В 1881 г. Сенкевич женился, а в 1885 г. его супруга Мария Шеткевич умерла от туберкулёза, оставив сиротами двоих детей. На деньги неизвестного мецената Сенкевич организовал фонд, названный в честь жены, который выплачивал стипендии людям искусства, страдающим от этой болезни. После этого в его жизни было ещё два брака.

Вернувшись в Европу, Сенкевич какое-то время проживал во французской столице, в 1879 г. посетил Львов, Венецию, Рим, и с того времени его биография была связана с многочисленными путешествиями и сменой места проживания. Так, ему удалось побывать в Англии, Австрии, Литве, Италии, Швейцарии, Франции, Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Занзибаре, Египте и в других странах. В 1802 г. Сенкевич основал газету консервативного направления «Слово». В этот период его творчества прослеживается огромная любовь к Родине, гордость за неё, исторический оптимизм, которые можно увидеть в трилогии «Огнём и мечом»

(1883–1884), «Потоп» (1884–1886), «Пан Володыёвский» (1887–1888).

Его талант автора исторического романа наиболее ярко раскрылся в эпическом романе «Камо грядеши?» (1894–1896), рассказывающем об эпохе первых христиан и императора Нерона. В 1905 г. Сенкевичу была вручена Нобелевская премия по литературе, но не за роман «Камо грядеши?», как ошибочно полагает большинство, а «за выдающиеся заслуги в области эпоса». Последним из крупных произведений автора стал роман, который он писал на протяжении 1897–1900 гг. – «Крестовосцы». В 1900 г. в честь 25-летнего юбилея творческой деятельности Сенкевич стал обладателем подаренного ему от имени общественности имения Обленогорек, находившегося в Келецком повете. Позднее здесь будет создан музей.

Когда началась Первая мировая война, Генрик Сенкевич уехал в Швейцарию. Был он главой Комитета помощи жертвам войны в Польше. В этой стране, в городе Веве, его настигла смерть. Случилось это в 1916 г.; прах был предан земле в одном из городских католических храмов, а в 1924 г. его перенесли в кафедральный собор св. Иоанна Крестителя в Варшаве.

Каэтан ЙОТЭСКА

ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ЦИТАТЫ И АФОРИЗМЫ СЕНКЕВИЧА

□ Любовь, желающая быть только духовной, становится тенью; если же она лишена духовного начала, то она становится подлостью.

□ Ничто так не покоряет, не смягчает мужского сердца, как сознание, что его любят.

□ Почести меняют нравы.

□ В любовнице ищи, чего хочешь: ума, темперамента, поэтического настроения, впечатлительности, но с женой нужно жить всю жизнь, а потому ищи в ней то, на что можно положиться, ищи основ.

□ Ложь, подобно маслу, скользит по поверхности истины.

Обзор экранизаций

Этюды киномана

«КАМО»

ОТРЫВКИ романов Сенкевича, публиковавшиеся в журналах, читали представители самых разных слоёв общества, а влияние писателя на современный польский язык сложно переоценить. Сенкевич «был и остаётся послом польской культуры во всем мире, в частности, благодаря роману «Камо грядеши?», который провозглашает универсальные ценности и который сейчас, во время столкновения цивилизаций, обрёл дополнительное, современное значение.

Поляки Кубани высоко чтут литературные заслуги своего прославленного соотечественника.

В год столетия со дня смерти лауреата Нобелевской премии «за выдающиеся заслуги в области эпоса» представляем читателю краткий обзор экранизаций романа Сенкевича «Камо грядеши?».

Камо грядеши?

1912, ч/б немой, Италия

Режиссёр: Энрико Гуаццони. В ролях: Густаво Серена, Амлето Новелли, Карло Каттанео, Лиа Джучи, Августо Мاستрипетри, Бруто Кастеллани и другие.

Фильм Энрико Гуаццони «*Quo Vadis?*» не только явился первой полноценной экранизацией романа Генрика Сенкевича, увенчанного Нобелевской премией, но и вместе с «Падением Трои» Джованни Пастроне стал одним из первых образцов жанра сложнопостановочного и многобюджетного исторического фильма на темы античности, позднее получившего название «пеплум». И если «Падение Трои», при всех достоинствах этой получасовой картины, являлось лишь гениальным эскизом будущих шедевров этого жанра, то фильм Гуаццони — бесспорно одна из его вершин. Гуаццони не только сумел бережно перенести на экран многочисленные сюжетные линии великого романа (а это было чрезвычайно сложно в немом

18 декабря 2015 года польский Сенат объявил 2016 год годом Генрика Сенкевича. «Своим творчеством и общественной деятельностью Сенкевич пробуждал общественное сознание, учил гордиться принадлежностью к польской культуре, любить Родину и уметь жертвовать собой ради неё», — подчеркнули депутаты.

кино ввиду отсутствия механизмов реализации), но и продемонстрировал столь высокий уровень кинорежиссуры, умения в равной степени выразительно создавать и массовые сцены с огромным и по нынешним временам количеством статистов, так и драматургически и психологически выразительные образы персонажей, что, несмотря на исполняющееся в 2012 году столетие картины, она и по сей день производит колоссальное художественное впечатление.

Император Нерон и арбитр изящества Петроний

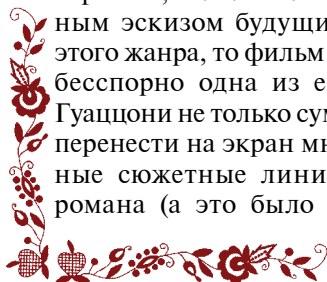
Нельзя не отметить великолепную актёрскую игру Густаво Серены (будущего блистательного режиссёра, создателя фильма «Ассунта Спина») в роли Петрония, и, к сожалению, рано скончавшегося Амлето Новелли, исполнителя роли страстного и порывистого Виниция (спустя два года Новелли сыграет свою лучшую роль — Юлия Цезаря — у того же Гуаццони, а в 1924 году в возрасте 38 лет внезапно уйдёт из жизни, сыграв в общей сложности за свою жизнь 111 киноролей). Несколько бледнее, чем образы представителей языческого Рима (тут следует отметить и жестокого, насквозь порочного Нерона, и похотливую Поппею, и мрачного Тигеллина, и нежную Эвнику, и конечно, проходящего на на-

ших глазах путь от коварства до просветления Хилона), в фильме получились образы христиан (апостолов Петра и Павла, Урса, Главка и даже трепетной и любящей Лигии).

В названии фильма Гуаццони, как и в названии романа Сенкевича использована часть латинской фразы «*Quo Vadis, Domine?*» (Куда идёшь, Господи?). Роман Сенкевича издавался на русском языке под названием «*Quo Vadis?*», «Камо грядеши?» (церк.-слав.), «Куда идёшь» (то с вопросительным знаком, то без него). Причём интересно, что один и тот же перевод Е. Лысенко издавался под всеми тремя названиями! Более того, во вступительной статье к собранию сочинений Сенкевича (т.1) роман называется «Камо грядеши», а в 8-м томе он опубликован под названием «*Quo Vadis?*». Как образец невежества следует отметить выпуск на VHS и DVD в начале 2000-х годов в России позднейшего фильма Ежи

Святой Пётр проводит обряд крещения

романа Генрика Сенкевича «ГРЯДЕШИ?»

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Красноярск, 2016, № 2 (50)

Кавалеровича под транскрипционным названием «Кво Вадис», заставлявшего русскоязычного зрителя, незнакомого с романом, недоумевать, кто же он такой, этот Кво Вадис, и когда он, наконец, появится в фильме.

Урс держит на руках спасённую Лигию. Стоящий рядом полуобнажённый Виниций взывает к Нерону и его свите о пощаде для юной христианки

В распоряжении переводчиков было два варианта интертитров (оба, увы, англоязычные и более позднего происхождения) — сильно дефектной неполной ч/б версии и относительно полной вирированной версии, явившейся результатом совместной работы нескольких киноархивов. Эти версии интертитров весьма значительно отличались друг от друга. Интертитры неполной версии были достаточно многословны, подробны и близки к тексту романа, а интертитры полной версии отличала не только лаконичность, но и скудость языка. Так, например, и Виниция, племянника Петрония, и Хрисотемиду, его любовницу, в интертитрах именовали одним словом «friend». Более того, лаконизм интертитров мог вызвать у зрителя, не знаю-

щего текст романа, недопонимание сути некоторых событий. Поэтому переводчики, взяв за основу интертитры полной версии, представленной в настоящем релизе, в ряде случаев были вынуждены несколько расширить перевод, дабы не создавать для зрителя не прояснённых мест. Литературной опорой переводчикам служил неоднократно издававшийся (под разными названиями) перевод Е. Лысенко, опубликованный, в частности, в восьмом томе девятитомного собрания сочинений Генрика Сенкевича (М. Художественная литература. 1985 г.).

Камо грядеши?

1951, цветной, США, Италия

Режиссеры: Мервин ЛеРой и Энтони Манн. В ролях: Роберт Тейлор, Дебора Карр, Лео Джени, Питер Устинов, Патриша Лаффан, Абрахам Софэр и другие.

Несмотря на то, что фильм снят американской кинокомпанией, практически все главные роли исполнили британские актёры.

Роман Генрика Сенкевича — один из лучших в мире, рассказывающих о событиях последних лет правления ужасного Нерона. Подробно показаны мельчайшие элементы жизни римлян (и патрициев, и плебеев, и рабов), тонко объясняется читателю путь, которым прошёл Виниций для постижения сути христианства, красиво подана сюжетная линия любви Виниция и Лигии; живописно показаны быт, пиры, казни, грандиознейшее описание римского пожара — всё это послужило в своё время поводом для восхищения со стороны читателей и критики. От фильма всего этого искушённый и умный зритель не ждёт изначально. Потому что невозможно, на наш взгляд, перенести все эти чувства, все эти события с бумаги на экран, ничего не потеряв. Невозможно уместить всё это многообразие в три часа.

Да и большая группа сценаристов в титрах говорит о том, что это — вольная экранизация романа польского писателя.

Из романа перенесены на экран практически все главные герои, отражены почти все важные события. Однако нет некоторых важных персонажей, кое-где нарушена последовательность событий, а некоторые из них пропущены или не полностью раскрыты.

**Питер Устинов
в роли Нерона**

Зато в фильме, по сложившейся голливудской традиции, мы видим замечательную картинку. Масштабность съёмок, костюмы, декорации вызывают восторг (спецэффекты, понятное дело, на уровне 1951 года, но другого ждать и не приходится).

Именно таким нам всегда виделся Рим — каменным, роскошным, многоцветным, с преимуществом жёлтого и золотого цветов. Отлично сыграли и актёры — они действительно одной только осанкой, внешностью, без слов сразу показывают свой социальный статус. Глядя на того же Петрония, сразу понимаешь, что перед тобой важный и достойный человек, глядя на Виниция — видишь воина, в Урсе сразу узнаёшь преданного верного и любящего раба, в Поппее — развратную и страстную женщину, переполненную чувствами, которая всё делает не по велению разума, а по велению чувств.

Продолжение на 10-й стр.

Обзор экранизаций

Этюды киномана

Продолжение. Начало на 8-й стр.
ЛУЧШИЕ проявления системы Станиславского налицо! Но, касаясь отличий между романом и экранизацией, хочется отметить другое.

Роман охватывает огромное пространство — и жизнь правителей и их прислужников, и становление христианства в Риме, и своеволие Нерона, пожар, история любви Виниция и Лигии — и выделить что-то одно, главное, превалирующее — невозможно, всё это воспринимается как единое целое. В фильме тоже всё это есть, но это как бы отходит на второй план — в центре стоит Нерон. Многие вещи происходят вокруг Великого Понтифика, но все они связаны с императором, влияют на него, отражаются в нём, проходят через него.

Очень много ярких монологов тирана мы слышим, почти каждое событие мы видим его глазами, получаем его комментарии и суждения по любому поводу. На фоне этого ненормального человека, подверженного различным маниям, меркнут все остальные персонажи. Во многом это достигается именно благодаря гениальной игре Питера Устинова. Известно, что самые трудные роли для актёров — роли ненормальных и пьяниц. Так вот, Устинов полностью справился со своей задачей. Лучше сыграть было невозможно. Гениальную

Питер Устинов — гениальный Нерон

игру актёра невозможно описать — ею нужно только восхищаться. И аплодировать.

Именно поэтому, предоставь мне киностудия права на прокат фильма в далёком 1951 году (ну, давайте пофантазируем!), я бы назвал этот фильм не «Камо грядеши?» (по роману Г. Сенкевича), а «Нерон» (по мотивам романа Г. Сенкевича). Просто красивая масштабная историческая постановка, которую приятно и интересно смотреть, ведь только костюмов для постановки было использовано — 32 тысячи штук!

Никому неизвестный Бад Спенсер в роли римского солдата. Костюм великолепен!

В 1952 году фильм получил 8 номинаций на премию «Оскар»: за лучший фильм (Сэм Цимбалист), лучшего актёра второго плана (Лео Дженн и Питер Устинов), лучшую операторскую работу (Уильям Сколл и Роберт Сёртис), лучший монтаж (Ральф Уинтерс), лучшие костюмы (Гершель МакКой), лучшую музыку (Миклош Роша), лучшие декорации.

Из интересных фактов упомяну также о двух голливудских дебютах, состоявшихся в этой картине — роль охранника императора стала актёрским дебютом для Бада Спенсера (Карло Педерсоли), будущей звезды спагетти-вестернов. А маленькая роль рабыни в этом фильме стала одной из первых работ в кино и дебютом в голливудской постановке для будущей кинозвезды Софи Лорен. В титрах картины этих имён нет.

«КАМО

В небольшом эпизоде фильма также снялась Элизабет Тейлор, будущая Клеопатра. Её имя в титрах также не упомянуто.

Quo Vadis?

1985, телесериал (6 серий), Италия, Испания, Швейцария, Великобритания, Франция, Германия.

Режиссер: Франко Росси. В ролях: Клаус Мария Брандаур, Франческо Куинн, Мари-Терез Релин, Фредерик Форрест, Кристина Рэйнс, Барбара Де Росси, Габриэле Ферцетти, Марко Николич, Любиша Самарджич, Радомир Ковачевич, Леопольдо Триесте, Макс фон Сюдов, Иван Клеменц, Анхела Молина, Светозар Цветкович, Душан Голумбовский, Франсуаза Фабиан, Мариса Солинас, Стоян Дечермич, Филипп Леруа, Ольга Карлатос, Жорж Вильсон, Массимо Джиротти, Анни Бель, Паоло Джусти, Злата Нумангич, Роберт Спэффорд, Миролуб Лешо, Богиц Боскович, Андрия Маричич, Душко Войкович, Бранислав Цига'Джеринич, Валерия Бржляч, Тома Йованович, Слободан Алексиц, Миодраг Гаврилович, Сидни Ром, Новак Бильбия и другие.

Сериал представляется сильным, интересным и насыщенным драматически — возможно, из-за великолепного литературного первоисточника. Отдельно стоит упомянуть прекрасную музыку Пьеро Пичони; саундтрек к сериалу создаёт отличное настроение, чего не хватает многим современным историческим картинам.

Актёрский состав традиционно для европейских сериалов хорош. Особой похвалы заслуживают Макс фон Сюдов в роли Петра и особенно — Марко Николич в роли Тигеллина. В фильме не так уж и много сцен с его участием, но, если и есть на экране «характерные» кинозлодеи — это тот самый случай. У него получилось одной-двумя сценами дать понять, что думает его персонаж, и что стоит за его ненавистью к христианам.

романа Генрика Сенкевича «ГРЯДЕШИ?»

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Красноярдар, 2016, № 2 (50)

**Марко Николитч
и Клаус Мария Брандауэр:
Тигеллин и Нерон**

Клаус Мария Брандауэр от- лично сыграл в фильме роль Нерона (парадокс, но во всех упоминаемых картинах без исключения актёры предельно кон- центрировались на этой зловещей фигуре).

Исполнителю роли императо- ра выпала нелёгкая доля — ведь Нерон, по воспоминаниям со- временников, мнил себя от- личным актёром, будучи просто кривлякой, одержимым демо- нами, с которыми не под силу было совладать ни Петронию, ни Тигеллину. Всё это Бран- дауэр обыгрывает великолепно, но, поскольку Нерон — это ещё и неудавшийся комедиант, актёр был вынужден то и дело демон- стрировать зрителю на экране потуги бесталанного выскочки. Не переиграть в такой ситуации — крайне сложная задача, с которой Брандауэр блестяще справился. Опять Нерон, и опять он — цен- тральная фигура, хотя в романе автор уделил ему не так много места, как тому же Виницию.

Камо грядеши?

2001, цветной, Польша, США

*Режиссёр: Ежи Кавалерович
В ролях: Павел Делонг, Магдалена
Мельцаж, Богуслав Линда, Михал
Байор, Ежи Треля, Францишек
Печка и другие.*

Можно понять российских прокатчиков, не уверенных в том, что современные зрители знают церковнославянское выражение «Камо грядеши?» да и вообще помнят ли Генрика Сенкевича,

который написал в самом конце XIX века исторический роман о жизни первых христиан в Риме во времена правления Нерона. Но кто в России знает латынь, тем более — в её написании ки- риллицей?! Получилось, что «Кво Вадис» — будто бы американский приключенческий боевик со спецэффектами о благородном и мужественном герое, который должен способствовать устране- нию очередного диктатора и заво- евать любовь красивой девушки.

Правда, этого персонажа на самом деле зовут Марком Ви- ницием, и он оказывается среди ранних приверженцев Иисуса Христа — не только благодаря сво- ему страстному чувству к юной вольноотпущеннице Лигии, но и по велению души и разума, осознав духовное превосходство участников тайных собраний в римских катакомбах, которым Слово Божие несут апостолы Пётр и Павел. И для католика Сенкевича религиозная подоплё- ка описываемых событий более чем восемнадцативековой дав- ности куда важнее, нежели одни лишь любовные приключения романтических героев или мо- ральное разложение аристократов и власть предержавших на фоне падения Древнего Рима.

Хотя для большинства преж- них экранизаторов роман Сен- кевича «*Quo vadis?*» являлся богатой основой в деле соз- дания зрелищного масштабного киноспектакля, что характерно и для лучшей (по мнению кри- тиков) версии, снятой амери-

канцами Мервином Ле Роем и Энтони Манном в 1951 году на итальянской натуре и в декорац- иях римской студии «Чинечитта».

Разумеется, новый вариант, созданный ровно спустя 50 лет поляком Ежи Кавалеровичем, проигрывает по зрелищности, пусть и были потрачены весьма солидные (даже по европейским меркам, не говоря уж о польских) деньги в размере 18 миллионов долларов. Тем не менее, картина практически окупилась на родине, сумев привлечь в кино- театры каждого пятого поляка активного возраста.

**Павел Делонг
и Магдалена Мельцаж:
Марк Виниций и Лигия**

И это объясняется несколь- ко иными соображениями, чем знаменитое высказывание из античных времён о неудержи- мом стремлении людей исклю- чительно к «хлебу и зрелищам». В используемом слогане фильма Кавалеровича не случайно на первом месте стоит «Вера», а только потом — «Любовь» и «Власть». Поскольку главным мотивом этой интерпретации романа «Куда идёшь?» (если уж переводить заглавие на нынеш- ний русский язык) становится именно вопрос веры, а также способность одних людей понять и принять других, кто пока что преследуется за свои религиозные убеждения, является изгоем и от- шепенцем в глазах подавляющего числа сограждан.

Окончание на 12-й стр.

**Францишек Печка
в роли апостола Петра**

Обзор экранизаций романа Генрика Сенкевича «КАМО ГРЯДЕШИ?»

Этюды киномана

Окончание. Начало на 8-й стр.

ТОГДА уже не может показаться странным, что режиссёр целых тридцать лет пытался получить разрешение на постановку ещё в социалистической Польше. Но, как и в случае с иным произведением Генрика Сенкевича «Огнём и мечом», якобы нежелательным для перенесения на экран из-за ряда антирусских намёков, «Камо грядеши?» представлялся властям ПНР по-своему «запретным» по причине вероятных аллюзий с диссидентскими настроениями в стране, где, конечно, атеизм не насаждался в таком объёме, как в СССР, однако католичество так или иначе притеснялось.

Михал Байор в роли Нерона

И знаменательно, что в момент активной деятельности «Солидарности» некоторые ксёндзы выступали на одной стороне с протестующими рабочими и идейными противниками просоветского режима. Так что самый первый показ ленты Ежи Кавалеровича, состоявшийся 30 августа 2001 года в Ватикане специально для римского папы Иоанна Павла II, а некогда — польского священника Кароля Войтылы, тоже свидетельствовал в пользу определённого политического восприятия последней версии «*Quo vadis?*».

Но парадокс заключается в том, что сам постановщик словно не доверяет избран-

Ежи Треля
в роли Хилона Хилонида

ной им трактовке — и в первой половине действия долго и не так уж убедительно с художественной точки зрения вынужден живописать обстоятельства возникновения и развития романа между Марком Виницием и Лигией, а также демонстрировать (по давно заведённой традиции), как загнивают римские верхи. Истинный нерв творения Сенкевича начинает ощущаться только тогда, когда и Хилон в исполнении Ежи Трели (единственный из актёров, кто оказался номинированным, а потом стал обладателем национальной кинопремии «Орёл»), и Петроний, умно сыгранный Богуславом Линдой, осознают правоту и значимость нового религиозного учения, которому было суждено со временем покорить многие народы и страны мира.

А ведь родилось и окрепло христианство как решительный ответ на территориальную и духовную экспансию Рима, фактически пришедшего в упадок в период властвования Нерона, с которым сочинители Нового Завета связывали дьявольское число 666 (вот и из Рима император удалился в Грецию как раз в 66 году, будто добровольно теряя власть из собственных рук). Гонимые им так называемые «восточные сектанты», вызвавшие особый гнев толпы во время пожара 64 года, создали под давлением ненавистного режима другую веру, которая смогла сплотить всех противников разлагающейся империи, идущей к своему неизбежному краху. Как

говорится, *Inde irae et lacrimae* — «отсюда гнев и слёзы».

Ну, и, раз уж мы в каждой из упомянутых выше лент отдельно отмечали исполнителей роли Нерона, то грех будет не отметить главного врага ранних христиан и здесь. Михал Байор, прекрасный актёр, родившийся в театральной семье (его отец — актёр театра кукол Рышард Байор, брат — известный кино- и театральный актёр Пётр Байор), великолепно вжился в нелёгкий образ жестокого императора. И тем сильнее он производит впечатление на подготовленного зрителя — ведь мы, в первую очередь, знаем Байора как известного эстрадного певца — начиная с его победы на конкурсе советской песни в Зелёной Гуре в далёком 1973 году и до наших дней.

Богуслав Линда
и Павел Делонг:
Петроний и Виниций

Это перевоплощение — само по себе чудо, в отличие от тонкой, но предсказуемой манеры Богуслава Линды, который традиционно хорош (и чертовски киногеничен) всегда — что у Кесьлёвского, что у Холланд, что в боевиках класса «Б» лихих польских 90-х. Как уже говорилось, кроме Ежи Трели, ни один из именитых актёров не получил киноаград за участие в этой ленте, что никоим образом не умаляет их заслуг и не принижает роль польского кинематографа в целом в попытке экранизировать такое сложное программное произведение, как роман Сенкевича «Камо грядеши?».

Ян КАРБОВНИЦКИЙ

Dla chcącego nic trudnego

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснояр, 2016, № 2 (50)

Wszystkie moje plany związane z otrzymaniem Karty Polaka często gęsto nie powodziły się, i to za każdym razem z przyczyn absolutnie zaskakujących a fantastycznych. Toteż kolejny wypad do Polski już z Kartą Polaka w rękę rozplanowywałem wielce starannie: w czwartek w południe – samolot ma wylądować w Szeremietiewie, stamtąd autobusem 817 miałbym się udać wprost do stacji metra Płaniernaja, następnie metrem do stacji Barrikadnaja i już stamtąd ulicą Bolszaja Gruzińska szybkim krokiem odmaszerować wprost do polskiej Ambasady. W Konsulacie miałem w uzgodnionym terminie złożyć dokumenty wizowe, zaś w piątek z gotową już wizą wsiąść do pociągu, żeby rano w sobotę wysiąść w Warszawie. Czy można wymyślić coś bardziej nieskomplikowanego? Jednak zbyt wcześnie uznałem, że wyzbyłem się problemów.

Aż do lądowania w Moskwie, wszystko odbywało się zgodnie z ułożonym harmonogramem. W odpowiednim terminie samolot wystartował, osiągnął odpowiednią wysokość, pasażerowie dostali od miłej stewardesy napoje i po niedługim locie miękko wylądowali w stolicy. A potem zaczęło się nieprzewidziane trwonienie cennego czasu. Kierowca autobusu uznał, że dla rozpoczęcia rejsu brakuje kworum i nie zważając na wzburzonych pasażerów, zaczął krążyć obok innych terminali, aby dobrać resztę. Czas zgubiony w autobusie, zmuszony byłem nadrobić nogami w drodze od metra do Ambasady. Drogi tej nauczyłem się jeszcze w Krasnodarze z mapki stolicy. Biegłem więc w odpowiednim kierunku pewnie i szybko. Miałem szczęście,

że ludzkość zdążyła na długo przed moją podróżą skonstruować walizkę na kółkach. Wreszcie ujrzałem wymarzone terytorium Ambasady. Wysoki metalowy parkan Ambasady rozciągał się daleko w obie strony ulicy. Która jest właściwa – pojęcia nie miałem.

Moskwianie – naród przyjazny. Piąty czy szósty wskazał mi ręką, w którym kierunku jest wejście do Konsulatu. Żwawo podążam z hałaśliwą walizką nie mając wątpliwości, że zdążę. W końcu ujrzałem wielką stalową bramę z furtką. Zaskoczyła mnie jedna tylko okoliczność – brak flagi i godła państwowego i w ogóle żadnej informacji. Otworzyłem ciężką furtkę – teren był zadbane z klombami i świerkami. Przytargałem swoją walizkę przed wejście do budynku. Naprzeciw mnie podążał ku wyjściu uśmiechnięty mężczyzna. Widocznie był on bardzo zadowolony z wizyty w Konsulacie. Odwzajemniłem się uśmiechem. Kiedy zbliżyłem się do drzwi ujrzałem z pół tuzina przycisków z napisami który z nich służy do zawezwania elektryka, hydraulika czy ślusarza... Brakowało jedynie Ambasadora czy Konsula. Po wirażu z moją walizką pomknąłem z powrotem. Lecz furtka była zamknięta na amen. Wróciłem znów do drzwi i na wzór harmonisty zacząłem z tych przycisków wydobywać rozmaite akordy. Brak żadnej reakcji. Wtedy zacząłem walić w drzwi nogą. Kompletna cisza. Uświadomiłem sobie, że trafiłem do niewoli.

Postanowiłem więc opuścić ten nieprzyjazny teren. Wysoki metalowy parkan otaczał go ze wszystkich stron.

Jak sobie poradzić, w jaki sposób zadziałać? Gdybym miał samą tylko

torbę, lecz posiadałem również walizkę! Zamieszkać tu do rana – wariant nie najlepszy. Co na mnie czeka? Nie wiem. Zmuszony byłem łapać przechodniów niby taksówki, żeby przyjęli przez parkan moją walizkę. Oglądali mnie z zaciekawieniem, lecz żaden nie dał się namówić do pomocy. Niespodziewanie pewien chłopak uznał mnie za niespełna rozumu i powiedział, że teren jest ściśle monitorowany – poczekaj więc nieco i zostaniesz wyzwolony. I szybko zniknął. W tym momencie przypomniałem sobie uśmiechniętą twarz faceta, który mnie zamknął i odszedł z czystym sumieniem.

Dla chcącego nic trudnego!

Obejrzałem swoją walizkę, torbę i zrozumiałem co dałoby się zrobić. Pasek torby przeciągnąłem przez uchwyt walizki. W powstałą pętlę wcisnąłem swą siwą głowę zaś walizkę i torbę zarzuciłem sobie na plecy. Pasek torby ścisnął gardło o tyle mocno, że omal nie straciłem przytomności. Musiałem podnieść pasek na poziom oczu. Wtedy zaś nic nie widziałem. Wreszcie zacisnąłem ten pasek między nieliczne ostatnie zęby. Trudno, lecz da się wytrzymać!

Zacząłem wspinać się do góry. Na moje szczęście spawacz niby specjalnie dla mnie gdzie nie gdzie przyspawał poprzeczki. Z wysokości trzymetrowego ogrodzenia ujrzałem tłum gapiów który mnie fotografował na komórki a nawet zakładał się, czy moja akcja dobrze się skończy? Udało mi się uniknąć podrapania przez zaostrzone ogrodzenie i ku uciesze publiczności bezpiecznie wylądować na chodniku. Nie czekając na oklaski wyrwałem głowę z pętli i popędziłem w nadziei, że nie spotkam ani ochroniarzy ani policjantów.

Anatol STRAŻNIKIEWICZ

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

*Речь Посполита,
Много в ней загадок,
А истину от нас скрывают все.
Кто в этой жизни
                                наведёт порядок?
И Господу неведомо совсем.

Жизнь, к сожаленью,
Не зависит от народа.
Правители все тайны берегут.
Они одни сегодня
Делают погоду.
И даже мысли наши стерегут.*

*Известен был мне
Пан Володыёвский,
Герой, боец и просто человек.
Я вспоминаю
                                непростое детство
И девятнадцатый
                                довольно трудный век.

Перекладные,
Постоялые дворы,
Мечи и сабли, луки, стрелы.
Участники чужой
Большой игры.*

*И пенё
                                католической капеллы.

Я думаю,
Не стоит ворошить
Ни ваше прошлое, ни наше.
Я думаю,
Нам просто надо жить,
По-прежнему делясь
                                обычной кашей.
Юрий АКУЛОВ,
2009 г.*

Наше прощание со «Львовом» завершалось практическим экзаменом. Кроме знаний, необходимых капитану дальнего плавания, мы должны были продемонстрировать столь уверенное управление «Львовом», будто наш будущий торговый флот составят исключительно огромные парусники.

После четырёх длительных учебных рейсов за нами числилось двадцать четыре месяца, проведённых в морских походах, а этого ценза вполне хватало для получения диплома поручника каботажного плавания. За этот период мы обстоятельно познали устройство «Львова» от клотиков на верхушках мачт до лял на дне трюма. Не было паруса и не было снасти, которых не коснулись бы наши руки. Мы научились выполнять на «Львове» повороты фордевинд, то есть через корму, а также более сложные, через нос — оверштаги, о которых даже пелось, что они могут получиться только с помощью «моторов»:

*Надрываются моторы,
рвутся во всю прыть,
Оверштаги без машины
разве ж могут быть?..*

Прежде чем искусство выполнения оверштагов без вспомогательных двигателей освоили мы — курсанты, им должны были овладеть капитаны «Львова», которым никогда раньше не приходилось иметь дело с этим типом парусника.

Ныне в ходе практического экзамена мы ощущали, как радуются наши сердца, когда по очереди с мегафоном в руках, стоя рядом с капитаном, мы «распевали» столь громко, чтобы нас было слышно не только на «Львове», но и по всему заливу:

— На правый борт фока-бра-аасыы!

А дождавшись нужного момента, когда становилось понятно, что поворот «получается», ещё громче:

— Фок крууугоооо!!!

Любимый «Львов» сдавал экзамен вместе с каждым из нас, послушно поворачивая через корму при фордевинде, либо остро пересекая носом линию ветра при оверштаге. Мы только «распевали», а чем громче и увереннее, тем

ЗНАЧИТ

лучше был результат экзамена, всё же остальное делал за нас «Львов».

Скрупулёзно описывали мы на экзамене последовательность действий, предпринимаемых, например, при утрате стеньг во время шторма. Нами подробно излагался способ установки новых стеньг и подъёма на них реев. Эти вопросы казались нам очень лёгкими, и в душе мы немного по этому поводу посмеивались. Столько раз приходилось нам всё это выполнять собственноручно, что до конца жизни мы были готовы терять мачты, огибая Мыс Доброй Надежды, либо ещё более грозную Огненную Землю, была бы только возможность командовать таким парусником, как «Львов». Но песня «выпускников» ничего этого нам не сулила:

*Уже отучились,
диплом получили,
Работы на родине нет.
Морями чужими
сквозь штормы и штили
В далёкий отравились свет.*

Распрощались мы с нашей *Alma Mater* романтизма, которого теперь должно было нам хватить на всю оставшуюся жизнь. Взращённые в колыбели «Львова» для морской службы, отправились мы искать её на чужих судах. Единственной доступной возможностью оставались

Учебный барк «Львов»

для нас индокитайские воды благодаря любезности французской судоходной компании *Chargeurs Réunis*.

Путь во Францию пролегал через прекрасный поморский городок Свецье, где располагался учебный отряд. Здесь и вступили мы в нашу «рыцарскую пору». Затем следовало офицерское училище в Торуни, а уж потом — служба на флоте. Возвращаясь в гражданскую жизнь, мы расставались со всем, что «рыцарям» было свойственно, оставляя в своих моряцких вещмешках воспоминаний лишь ПЕРЛЫ РЫЦАРСКОГО ЮМОРА.

* * *

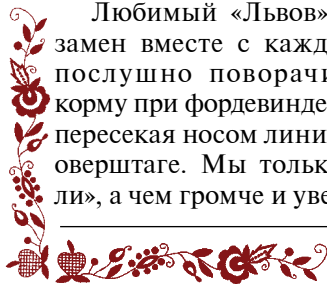
В учебный отряд в Свецье я попал несколько позднее своих товарищей — не по своей, однако, вине. Увидел я их стриженные «под ноль» головы, когда маршировали в колонне по четыре. При моём появлении Старик нарушил строй и воинскую дисциплину, сердечно меня приветствуя. Несколько лет мы просидели с ним в Морской школе за одной партой.

Старик, то есть Влодек Цыбульский, был обязан своим псевдонимом огромному жизненному опыту. Юмором, уловками и знанием латыни превосходил он самого Заглобу¹. Дабы не утратить навыка владения языком римлян и наших предков, Старик неизменно начинал день фразой: «*Ubi mea butus sunt?*». Мы вообще-то хорошо его понимали, зная, что это: «Где мои ботинки?», но Старик изрекал и много других фраз, смысла которых нам было не постичь.

Старик очень рано облысел, зато всё его тело было покрыто великолепным густым собольим мехом, что в нашей школе высоко ценилось как безусловный атрибут мужественности. Эту скорую потерю растительности на голове Старик приписывал встрече с Папой Римским, когда мы, будучи на «Львове» в Генуе, совершили паломничество в Рим. По рассказу Старика, когда Папа Римский

¹ Заглоба — колоритный герой «Трилогии» Генрика Сенкевича (примеч. переводч.)

* Продолжение. Начало см. в №№ 32-33 (2011) и № 49 (2016)

КАПИТАН

по ошибке приблизился к нему ещё раз, чтобы благословить его повторно — почувствовал, что последствия этого могут для него оказаться слишком сильными. Прошептал он даже на латыни *Satis Papa*², но шёпот не привёл к ожидаемому результату. Дважды осенённый, Старик обликом уподобился апостолу Павлу.

Овация, которой приветствовал меня Старик, обошлась ему отмеренной уставом дозой наказания, дабы излечить от губительных навыков нарушения «рыцарского закона». В словаре кадрового состава не было таких слов, как «друг», поэтому никакие объяснения не принимались. Перед учебным отрядом стояла задача — в кратчайшие сроки сотворить из гражданских лиц офицеров военно-морского флота. Совершалось это по принципам Фридриха Великого, привитым позднее и *Kaiserliche Kriegsmarine*³. Пережитки этих взглядов сказывались на нас посредством старшин, бывших служак этого самого флота.

Отряд был переполнен личным составом, места недоставало, обмундирования — тоже. В тесных кубриках спальные места располагались в четыре «палубы». Старик пригласил меня на свою. Когда мы укладывались спать, он заботливо спрятал под подушку пару своих «рыцарских» ботинок (шпор тогда уже не носили, хотя в некоторых флотах они полагались). Изумлённый видом Старика, укладывающего свои «амфоры» под голову, я было решил, что ему надоело искать их с утра, приговаривая: «*Ubi mea butus sunt?*». Влодек объяснил мне, что вместо шпор современные «рыцари» носят, как «предмет особого внимания», гвозди-подковки на подошвах. И то и другое надлежало беречь особенно заботливо.

— Смотри, — говорил Старик, — у меня этих «предметов» в каждом ботинке штук по двадцать с чем-то, и я жив, хотя их

должно быть раза в два больше. За отсутствие каждого гвоздя, не купленного в военторговой лавке и не вставленного вечером в то место, где был предыдущий, появятся лишние проблемы. А я староват, чтобы гоняться за гвоздями. Поэтому ботинки на полу не оставляю. Старшина их проверяет, но сосчитать башмаки может только до семнадцати. И в этом моя тактика, поскольку нас — двадцать семь.

Всё, что Старик говорил, казалось мне логичным, умным и убедительным. А прежде чем, в соответствии с латынью Влодека, *sopor oppressit*⁴, он меня предупредил, что и иные «чудеса» здесь будут случаться.

Из глубочайшего сна меня вдруг вырвал командный крик:

— Пооодъёём!

Слепое послушание — достоинство «рыцаря». Я хотел было вскочить и вместе с «останками» сотоварищей прыгнуть с четвёртой «палубы» вниз. Но ладонь Старика легла на моё плечо. Сквозь шум и гам я расслышал его шёпот:

— Кажется, это Дарвин заметил, что вид выживет, если приспособится к окружающим условиям. Подожди ноги и жди третьего «подъёма». А сейчас притворись подушкой!

Старшина, включивший свет в нашем кубрике и поднявший на ноги всё подразделение, не был удовлетворён нашей боеготовностью и чёткостью исполнения приказания.

— Ооотбооой! — прозвучало бодро и весело.

Десятки тел, которые здесь было принято называть «останками», вернулись в положение «лёжа». Как только последние «останки» скрылись под одеялом, вновь раздалась команда:

— Пооодъёём!

Дабы мне помочь в неисполнении приказа, ладонь Старика вновь легла на моё плечо. По его примеру я подтянул ноги под

Свежье, улица Костельная

себя, а голову втянул в рубаху; это стало напоминать огромную подушку, спешно брошенную на четвёртой «палубе» при спрыгивании на пол.

Воцарилась тишина. Вдоль коек по стойке «смирно» пружинились «останки» в ночных рубахах.

— Ооотбооой! — прозвучало в ночной тиши.

Опять восхождение на четвёртый ярус и принятие положения «лёжа» под натянутым на себя одеялом.

Тишина. Долгий момент тишины. Неужели старшина сегодня сменил тактику? Нет! Он пока-что изучает наши «рыцарские» ботинки. Ожидаем недолго — в третий раз раздаётся громкая и звучная команда.

— Пооодъёём!

На этот раз ладони Старика не лежат на моём плече. Вылетаем, как из пращи, и застываем на полу по стойке «смирно». У старшины богатое воображение. Он тут же предугадывает жуткий налёт.

— Воздушная тревога! Укрыться! — звучит его следующая полная заботы о нас команда.

Падаем на пол и укрываем ладони под тумбочками, стоящими длинным рядом вдоль противоположной стены кубрика. Ничего больше под тумбочками не спрячешь, только ладони.

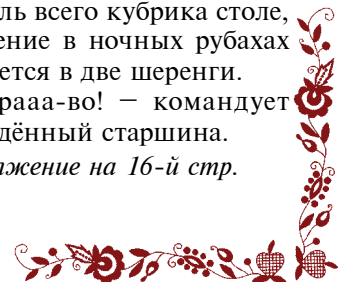
— Ооотбооой! — успокаивающая команда старшины отменяет «налёт». Ещё лишь кратенькая проверка строевой подготовки:

— В две шеренги на столе становись!

На длинном, но узком, тянушемся вдоль всего кубрика столе, подразделение в ночных рубахах выстраивается в две шеренги.

— Напрааа-во! — командует непревзойдённый старшина.

Продолжение на 16-й стр.

² *Satis Papa* (лат.) — достаточно, Святой Отец

³ *Kaiserliche Kriegsmarine* (нем.) — Кайзеровский Военно-морской флот (примеч. переводч.)

⁴ *Sopor oppressit* (лат.) — сон сморил

Рекруты на Висле

Начало на 14-й стр.

- *Vir incomparabilis*.⁵ — шепчет Старик, употребляя высказывание Заглобы.

Для исполнения приказа «Направо!» стол узковат. Команда неисполнима. Стоящие на столе пытаются удержать «останки», наполовину висящие в воздухе и опирающиеся о стол только одной ногой. Какое-то время таким образом удаётся строй сохранить, но через секунду многие оказываются на полу.

— Вольно, разойдись! — эта команда завершает проверку нашей боеготовности, готовности к борьбе с авиацией и строевой подготовки.

* * *

«Перлы рыцарского юмора», рождённые благодаря старшинскому составу из *Kaiserliche Kriegsmarine*, который ныне оказался в кадрах польского военно-морского флота, обладали разнообразными оттенками. Был, к примеру, в Свецье один старшина, известный нам ещё по Тчевской морской школе, который прибывал к нам по субботам во второй половине дня для того, чтобы тренировать нас в «шестви духов»; так он называл одно из упражнений, когда мы маршировали на цыпочках с поднятыми кверху винтовками. В учебном отряде он обучал нас истории Польши.

Был в отряде и сержант, который когда-то приехал в Тчев с лекцией об отравляющих газах. Сержант, уверенный в себе и в знании своего предмета, вошёл в гимнастический зал, где нас всех собрали. Вид курсантов, одетых в выходные форменки с золотыми

ЗНАЧИТ

якорьками на погончиках, его несколько смутил. Он пришёл к выводу, что лекцию придётся начать не так, как всегда, и ощутимо поднять её уровень, поскольку аудитория отличалась от привычной. После кратких раздумий заложил он пальцы правой руки за борт между пуговицами, как это делал Наполеон, правую ногу выдвинул вперёд, сделал глубокий вдох и приступил:

— Я не Мицкевич и не Словацкий и никакой другой философ. Говорить буду прямо. Газы делятся на...

И потом уже посыпались названия известных и неизвестных нам газов.

В учебном отряде эти же люди ведут себя несколько иначе. На огромном плацу идёт строевая подготовка — «рыцарская муштра». Первая четвёрка, особенно этот — правофланговый, шагает как-то не так, как хотелось бы сержанту по газам.

— Рота, стой! — рычит сержант и походит к жертве: — Болван, ножку выше тyani! Шагом марш! Приходится вышагивать, как «немцам в пикельхаубах⁶», то есть так, чтобы поднятая нога составляла прямой угол с ногой, стоящей на земле.

—левой!левой!левой!

— Рота, стой! — и опять сержант подходит к «болвану». — Ну! И чего это морда такая дурная? Кем был на гражданке?

— Инженером, — отвечает «дурная морда» (в данном случае, один из конструкторов великопепных, известных во всём мире хшановских⁷ локомотивов).

Несколько сбитый с толку сержант примирительно поясняет:

— Болван, дурная морда, шляпа — это такие т е х н и ч е с к и е военные термины.

Но наибольшие трудности испытывали мы на занятиях по изучению истории Польши, которые вёл старшина. Не можем её усвоить так, как он того требует.

— Что такое Родина? Ну? — спрашивает старшина.

Опрашиваемый — один из выпускников «Вавельберга»⁸ в Варшаве, которые вместе с нами проходили военную подготовку. Безрезультатно пытается он вспомнить определение Родины, данное старшиной.

— Ну? — подстёгивает старшина.

Выпускник «Вавельберга» молчит, не может вспомнить.

— Ну?! Котелок с кофе — это Родина?

— Никак нет! — отвечает опрашиваемый (ответ должен быть дан).

— Ну, что такое — Родина? Может добавка к обеду?

— Никак нет! — отвечает «тёмный рекрут».

— Сел и устыдился! — рычит старшина. Это самая страшная команда в отряде, кошмар учебного плаца, особенно после дождя. Ибо следует немедленно сесть там, где стоял, вытянуть ноги перед собой, руки положить перед коленками и обязательно принять пристыженный вид.

— Сел и устыдился! — рычит на этот раз другой старшина, прививающий искусство строевых эволюций нашему выпускнику Сташеку, владеющему многими языками и философски взирающему на мелочи повседневной жизни и человеческие слабости. Сташек безропотно садится на место, выбранное старшиной, в самую середину лужи. Вытягивает он ноги и принимает предписанное конфузливое выражение лица. В этот момент подходит один из одноклассников Сташека по гимназии, который предпочёл флот военно-морской торговому, и уже офицером попал в учебный отряд в Свецье. Заметив своего товарища в положении «сел и устыдился» в самом центре лужи, он накинута на вытянувшегося перед ним по стойке «смирно» старшину:

⁵ *Vir incomparabilis* (лат.) — муж необычайный, несравненный

⁶ Пикельхаубе (нем. *pikelhaube*) — остроконечная германская каска (примеч. переводч.)

⁷ Локомотивы постройки завода «Фаблок» в г. Хшанув (примеч. переводч.)

⁸ «Вавельберг» — Государственная школа машиностроения и электротехники им. Х. Вавельберга и С. Ротванда (примеч. переводч.)

КАПИТАН

– Что вы себе позволяете!

Но сидящий в воде Сташек заступает за старшину, медленно цедя сквозь нос слова:

– Рысек! Не трогай его. Он ведь и так ничего не поймёт, а я перетерплю.

В этом Сташек выразил наше всеобщее отношение к старшинскому составу, пытающемуся привить нам «рыцарство» таким же образом, как поступали с ними.

Этап военной подготовки завершился убеждённостью наших командиров в «превосходстве» их метода, когда весь кадровый состав мы пригласили на прощальный приём. На организованной нами встрече основные действия можно было описать словами «спиртус в глоткус, а покойникус в могилус». Так, по мнению Сташека, якобы высказался организатор, подменивший ксёндза на похоронах.

Несколько иначе дело обстояло с молодыми «пистолетами», которые едва проклюнувшись в офицеры, получили в свои руки то, что римляне почитали божественным – правление людьми.

Как-то вечером в наш кубрик заглянул никому не известный «пистолет». После принятия доклада дневального о состоянии личного состава он неожиданно спросил:

– Порядок наведён?

– Есть, пан поручник, порядок наведён! – решительно отрапортовал дневальный.

Выковырянная спичкой щепотка пыли из-за шкафа развеяла наши иллюзии о чистоте и порядке. «Пистолет» выстроил весь личный состав роты. С уложенной на одеяло спичкой всё подразделение сквозь тьму, дождь и ветер отправилось закапывать её вместе с пылью в самый дальний угол огромного плаца.

С тех пор, стоило только «пистолету», прозванному нами «Али-Бабой», заступить на службу, приборку кубрика принимал на себя Старик. Как только наступало время, когда вечерняя форма одежды становилась необязательной, Старик разоблачался до пояса, становился на табурет около шкафа, держа метлу на палке в одной руке, а тряпку – в другой. Собственные «соболя», покрывающие его тело, подтверждали наши предположения, что, если поверить ответу на экзамене некоей девочки, будто первым человеком, произошедшим от обезьяны, был Дарвин, то Старик, вне всякого сомнения, был вторым.

Али-Баба влетает в кубрик. Старик, не сходя с табурета, выпячивает заросшую грудь. Держит он в руке черенок метлы как винтовку с примкнутым штыком, а в другой руке – огромную тряпку,

докладывая, что производит приборку в кубрике на двадцать семь человек личного состава.

– Порядок наведён? – спрашивает Али-Баба.

– Наводится, пан поручник! – отвечает Старик.

Али-Баба промахнулся, шутку с ковырянием спичкой в щелях повторить не удастся. Разочарованный «пистолет» рассматривает великолепный соболиный покров Старика. Влодек превзошёл его и внешностью, и остроумием.

– Ну! Рекрут ...ский! Здоровенный мужик, а голосок тонковат, а? – вопрошает Али-Баба.

– Есть, пан поручник. Слушается, что здоровенный мужик, а голосок тонковат, – Старик пищит, повторяя как эхо и превосходно пародируя писклявый голос «пистолета».

– Рекрут ...ский! – шипит Али-Баба, – что значит эта гримаса на лице?

– Есть, пан поручник! Это не гримаса на лице, это нервы, пан поручник!

– Рекрут ...ский! – раздражённо лепечет Али-Баба, – рекруту нервы не положены, только у истерички могут быть нервы!

– Есть, пан поручник, – пищит Старик, пародируя голос и выражение лица Али-Бабы, – рекруту нервы не положены! Только у истерички могут быть нервы!

Всех нас душит смех. Али-Баба теряет самообладание, но понимает, что Старика из равновесия ему не вывести, а сам себя он выставляет на посмешище. Поведение Старика с точки зрения службиста – безупречно.

«Вольно!» – команда «пистолета» относится скорее к нему самому, чем к Старiku и всем нам.

С этой поры наша рота стала предметом особой заботы Али-Бабы по линии военной подготовки.

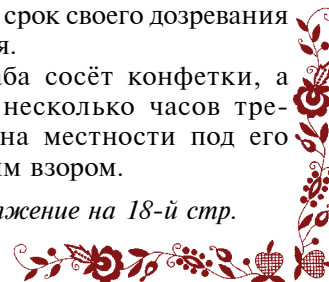
Али-Баба любит сладости. У него с собой всегда маленькая жестяная коробочка с леденцами, которыми он время от времени себя балует. Старик как-то заметил, что Али-Баба таким образом сокращает срок своего дозревания до курения.

Али-Баба сосёт конфетки, а рота уже несколько часов тренируется на местности под его бдительным взором.

Продолжение на 18-й стр.

Свеце, Рыночная площадь

Начало на 14-й стр.

КАЖДЫЙ из нас выглядит как коллекция проб грунтов, по которым рота маршировала. Едва живые, тащимся мы в казармы по осенней размякшей дороге.

— Ротааа, запевай! — пискливым голосом приказывает Али-Баба.

Старик поигрывал на гитаре, аккомпанируя собственному пению. Был у него голос или нет — не нам было судить, но он пел. По команде офицера Старик напевает первые слова на мелодию известного шлягера:

— *Али-Баба! Этот малый Али-Баба!*

Сорок леденцов

В коробочке таскал...

Рота поёт. В тот же момент Али-Баба замечает воображаемые самолёты:

— Воздушная тревога, укрыться!

Рота разбегается по обе стороны дороги. В густой липкой глине, в лужах с жёлтой водой лежат «останки» рекрутов.

— Становись! Шагооом марш!

Рота отрывается от лона матери-земли и продолжает марш. Собственно, нам уже всё равно, кому где лечь. И так ни на ком сухой нитки нет. Вода давно хлюпает в ботинках. Подразделение выглядит как собрание глиняных идолов. На приведение себя в порядок уйдёт весь вечер.

И вновь Али-Баба замечает самолёты. Его писклявый голос предупреждает:

— Воздушная тревога, укрыться!

И вновь вся рота залегает на свежевскопанном поле.

— Ротааа! Шагооом марш!

Жёлтые страшилища выстраиваются на дороге и маршируют. Наш вид настраивает Али-Бабу на пение.

— Ротааа! Запевай! — подаёт он команду радостным голосом.

Мы ждём, какие слова и мелодию предложит Старик. Влодек импровизирует:

Не откажи нам, пан,

в благоволении!

Это скандал — такое поведение...

Рота поёт громко и чётко, отбивая в грязи такт ногами.

— Воздушная тревога, укрыться! — пищит Али-Баба.

Мы прячемся на размякшей земле пригородных огородов. На этот раз это капустное поле после уборки.

ЗНАЧИТ

Выпускники учебного отряда в Свецье

По примыкающей дороге подходят люди, возвращающиеся домой с работы.

— Становись! Шагооом марш!

Рота марширует, но уже не поёт.

Али-Баба учит нашу роту ещё и надлежащему поведению в ресторанах, общественных местах, трамваях, автобусах. На плацу расставлены табуреты, изображающие трамвай. На одном сидит Али-Баба и сосёт свои конфетки. Следовало войти промеж табуретами, «неожиданно заметить» офицера, отдать ему честь и попросить разрешения занять место. Пока все рекруты нашей роты проявляют свои недюжинные способности и не попадают в затруднительное положение.

Наконец меж табуретами появляется Старик. Али-Бабу он не замечает. Стоит так, будто одной рукой держится за ручку ремня, висящего над проходом. Он покачивается, словно трамваем мотает неимоверно, с трудом удерживается на ногах и — молчит.

Старик имитирует всё это настолько мастерски, что впавший в детство «пистолет» не может удержаться от смеха. Ситуация затягивается. Старик изображает теперь подпрыгивание трамвая, но разрешения занять место не просит. Вся рота уже неудержимо смеётся, и Али-Баба от нас не отстаёт. Офицер вдруг спохватился, что обаяние шутки его покорило.

— Ну! Рекрут ...ский, — шипит он Старiku.

— Есть, пан поручник! — отвечает Влодек и, как бы только сейчас замечая командира, нехотя отдаёт ему честь, бормоча «виноват». Но разрешения присесть не просит.

— Рекрут ...ский, просите разрешения занять место! — помогает ему Али-Баба.

— Я только одну остановку, пан поручник. Постояю!

Али-Баба не выдерживает и заливается смехом вместе со всей ротой.

С этой минуты Али-Баба, хотя и не начал курить и продолжал сосать свои конфетки, перестал стесняться заглянуть после службы в наш кубрик, чтобы послушать весёлые импровизации Старика.

Подлинным «чёрным рыцарским перлом» в нашем моряцком вещмешке воспоминаний было выявление тайной военной организации в лоне самих вооружённых сил. Было замечено, что в одном из подразделений, размещённом в Свецье, старшина стоит навытяжку перед рекрутом и шепчет что-то вроде: «Есть, пан...».

Дело показалось подозрительным и загадочным. Приглашённый для его расследования офицер полевой жандармерии поймал старшину с поличным, когда тот, вытянувшись перед рекрутом, докладывал: «Есть, пан...». Обоим учинили допрос.

Первым, по старшинству, показания давал старшина. На гражданке

КАПИТАН

он работает стюардом на одном из наших судов, а рекрут — его капитан. Так сложилось, что капитану столь долго предоставлялась отсрочка от военной службы, что только сейчас он попал на переподготовку. Одновременно на учебные сборы запасников был призван и стюард. Через две недели они возвращаются на судно. Рекрут вновь станет капитаном, а старшина — стюардом.

Рекруту показаний давать не пришлось.

* * *

На флоте отношения были иными. В качестве курсантов военно-морского училища нас распределили по кораблям. Имея за собой без малого два года плавания на «Львове» по глубоким водам Атлантического океана, некоторые из нас довольно пренебрежительно относились к своим командирам, которым, как правило, не доводилось выходить за пределы Балтики.

Молодой курсант «Сперлинг» обручился перед самым прибытием на борт. Корабль стоял на рейде, курсант торчал на палубе у леера. Ветер овевал корабль, а мысли о любимой — курсанта. Дабы убедиться, что его счастье — не иллюзия, влюблённый курсант то снимал, то вновь надевал на палец великолепное обручальное кольцо с крупным бриллиантом.

Внезапно у не помнящего себя от счастья курсанта кольцо с руки соскользнуло, выпало за борт и стало погружаться в бездну залива. Сперлинг был холериком. Забыл, что он уже «рыцарь», помнил лишь о своей помолвке, свидетельство которой кануло на дно Балтики.

Не поставив в известность командира корабля и без его разрешения влюблённый курсант, получивший отличную подготовку в Торуньском военно-морском училище, самостоятельно вызвал вспомогательное водолазное судно «Нурек», и с его помощью приступил к поискам обручального кольца.

Командир корабля, выйдя на палубу, с удивлением обнаружив водолазов у своего корабля, потребовал объяснений. Ему радостно сообщили о невольном обручении курсанта с морем. Несмотря на предостережения о пылкости чувств молодого «рыцаря», командир потребовал от Сперлинга объяснений по поводу самовольных действий. В ответ услышал лишь, что его, командира и весь флот, курсант в гробу хотел видеть и что этот же курсант и не думает посвящать своего счастья никому на свете.

Командир, несмотря на то, что в душе разделял мнение курсанта о счастье, в соответствии с «рыцарским» уставом отблагодарил влюблённого «рыцаря» за своё временное местонахождение, препроводя того в скромное, но неплохо изолированное помещение на берегу.

С тех пор известно, что Балтика «обручена» дважды — первый раз кольцом генерала Халлера⁹, а второй — никому почти неизвестного курсанта Сперлинга.

* * *

Те из нас, кого уже произвели в «рыцари», обрели возможность выезда во Францию. Компания *Chargeurs Réunis* охотно принимала наших выпускников на суда,

Генерал Юзеф Халлер

ходящие в Индокитай. Поэтому о Сайгоне мы говорили, будто он расположен на Балтике.

Дождь, принесённый западным ветром из Атлантики, встретил Саблиста, когда тот вышел из вокзала на улицы французского порта Гавр. Уже через час после приезда Саблист докладывал о своём прибытии на борт огромного судна *Chargeurs Réunis*, работавшего на постоянной индокитайской линии. Из разговора с капитаном он сделал вывод, что тот отлично говорит по-французски. А вот капитан был совершенно противоположного мнения о знании французского польским *élève-officier*¹⁰.

В соответствии с полученными инструкциями — с кем стоять на вахте и где находиться во время манёвров, Саблист тут же отправился на ют готовящегося к отходу парохода в качестве помощника второго офицера. А тот что-то запаздывал.

Спускается ночь, а дождь не перестаёт хлестать ни на минуту. Саблист поднимает воротник клеёнчатого плаща и прячется от ветра за телефонную будку. Вдруг раздаётся звонок телефона, соединяющего корму с мостиком. Второго офицера так и нет. Без лишних раздумий польский практикант поднимает трубку и слышит слова, которым его не научили ни Пьер Лоти¹¹, ни Клод Фаррер¹².

Вне сомнения, это — команда, которая что-то значит. Саблист, ничего не понимая, повторяет её так громко, чтобы услышал боцман, стоящий с матросами у брашпелей и швартовов, готовых к отдаче. Боцман, именуемый на сленге французских моряков «боско», тут же повторяет услышанную команду. Саблист, впервые участвующий в отходе от причала огромного парохода, вдруг приободрился.

Вновь звонит телефон. Саблист опять не понимает слов, но кричит ещё громче, повторяя в трубку услышанную команду так, чтобы её разобрал внизу боцман. И боцман тоже громко, чтобы одинокий элев расслышал, повторяет полученную команду. В темноте они друг друга не видят.

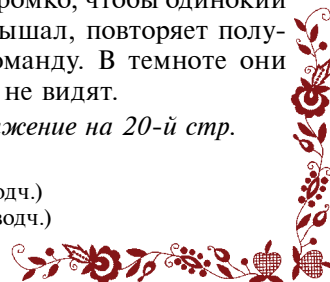
Продолжение на 20-й стр.

⁹ Юзеф Халлер 10.02.1920 г. в Пуцке символически обручил Польшу с морем (примеч. переводч.)

¹⁰ *Élève-officier* (франц.) — практикант-офицер, дублёр офицера, младший офицер (примеч. переводч.)

¹¹ Пьер Лоти — французский флотский офицер и писатель (примеч. переводч.)

¹² Клод Фаррер — французский флотский офицер и писатель (примеч. переводч.)

ДО СИХ пор всё идёт чётко. Один за другим отдаются швартовые, удерживавшие судно у берега. Второго офицера так и нет.

Опять звонок. По-видимому, дело касается последнего швартового конца. Практикант с вододушевением повторяет команду, будто делает это всю свою жизнь. Боско подхватывает этот польский задор Саблиста, отлично понимая, что второго офицера всё ещё нет.

Теперь практикант уясняет, что в момент, когда последний швартов окажется над водой и можно будет привести в движение гребной винт без опасения наматывать на него трос, боско должен ему доложить, что «корма чиста». И в самом деле, боцман громко и чётко кричит то, что следует передать по телефону. Саблист хватая трубку, вызывает офицера на мостике и орёт в микрофон, имитируя звуки, только что услышанные от боцмана.

Шум винта радостно отзывается в ушах Саблиста. Огромный пароход выходит из порта. Звонок с мостика. Практикант вновь громко повторяет услышанную команду. Боско отвечает. Из темноты возникает матрос с чехлом для телефона. Саблист покидает свой пост. За ним уходит боцман с матросами.

Осанна! — душа Саблиста ликует. Ни в зуб ногой, не понимая ни одной команды, он исполнил всё за себя и за второго офицера. Саблист отправляется на мостик узнать, что ещё ему предстоит сделать?

В этот самый момент на мостике второй офицер усиленно оправдывается перед капитаном, что его вовремя не разбудили.

— *Nom de Dieu!*¹³ — восклицает развеселившийся капитан. — Так кто же за тебя с нами разговаривал?

«Второй» замечает на мостике боцмана:

— Боско, кто говорил по телефону при съёмке со швартовов?

— *Notre élève-officier polonais!* — с уважением отзывается боцман.

Капитан тут же меняет своё мнение о знании французского языка «нашим польским практикантом», и начинает осыпать Саб-

ЗНАЧИТ

листа лавиной слов, из которых тот ничего понять не в состоянии. Наконец, практикант решает попросить говорить помедленнее, поскольку ничего не понимает.

Капитан вместе с офицерами в полном недоумении — практикант делал вид при отходе судна, что умеет, или сейчас делает вид, что не умеет?

Когда через полгода выходили из Гавра в следующий рейс на Индокитай, Саблист удивлялся, как это он тогда не понимал таких простых слов.

* * *

В это же самое время в Польше возникают первые пароходные предприятия: «Польское судоходство» и «Польско-британское корабельное общество». Последнее располагало тогда четырьмя товаро-пассажирскими пароходами, которые поддерживали общение между Гданьском, Лондоном и Гуллем: «Премьер», «Варшава», «Лодзь» и «Рева».

Я попал на «Реву» в качестве старшего матроса и поселился в классическом кубрике, почти таком же, как на старых парусниках, втиснутым в сам нос судна ПЕРЕД МАЧТОЙ¹⁴. Через кубрик проходили две толстые трубы, в которых помещались якорные цепи. Между ними размещалась железная печка наподобие литовского «знича». К бортам, как ласточкины гнёзда, прилепилось восемь коек. В этом кубрике обитало шесть с половиной человек: шесть старших матросов и юнга, обслуживающий нас.

Как только я нанялся на судно, в кубрик ввёл меня боцман, с виду настоящий «Мальчик-с-пальчик» с большими усами. Был он кашубом с птичьей фамилией и, как я потом узнал, отцом тринадцати детей. Из того, что он мне говорил, я понял немного. Бросил я свой моряцкий вещмешок на указанную койку и представился седому моряку, сидевшему койкой выше, с ногами, опущенными на мою. Тоже кашуб с фамилией, для

Капитан Еژی Мешковский
(«Саблист»)

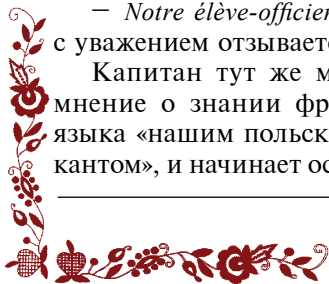
разнообразия, чисто рыбьей. Боцман говорил много, этот — много молчал.

По кубрику носился милый и упитанный малый — Тадзьо. От него я узнал, что он принесёт мне чистое постельное бельё, подушку и одеяла; что кроме завтрака, обеда и ужина, провиант выдаётся на всю неделю, что о кофе или чае заботится он, как и об обеде и ужине.

Кубрик блестел чистотой. Подволоки и переборки были покрыты пробковой крошкой и окрашены белой масляной краской. Койки также были выкрашены в белый цвет, кроме предохраняющих от выпадения широких досок, вскрытых тёмным лаком. Палуба идеально выдраена, лампочки горели под чисто вымытыми плафонами. Большой стол, прикреплённый к одной из переборок кубрика, накрыт чистой скатертью общества *Ellerman's Wilson Line*, от которого ведёт своё начало Польско-британское корабельное общество. Над столом висел польский флаг. В кубрике было тепло от раскалённой печки,

¹³ *Nom de Dieu!* (франц.) — Боже!

¹⁴ Выражение «перед мачтой» было синонимом матросской службы. Офицеры всегда располагались на корме.

КАПИТАН

возле которой стоял железный ящик с углём.

Я живо переоделся в робу и отправился на палубу работать. Присоединился я к плотнику и остальным матросам, занятым «зейкляром», то есть приготовлением судна к выходу в море. Мы устанавливаем на люки грузовых трюмов бимсы — широкие стальные шины, на которые опираются лучины — доски двухметровой длины и полуметровой ширины. Поверх всего этого укладываются в три слоя специально пропитанные грубые брезентовые полотнища. Брезент прижимается железными шинами и распирается дубовыми клиньями. После этого весь люк страхуется обвязкой из толстых трёхдюймовых тросов, которая представляет собой нечто вроде сети поверх брезента. В «зейкляр» входит также опускание в свои гнёзда, разоружение и закрепление огромных грузовых стрел.

Во время работы я ближе познакомился со своим напарником по вахте. Он поинтересовался моим именем, а когда я его произнёс, назвался Ромеком и заявил, что так и будем обращаться друг к другу. Во время «перекура» Ромек спросил, знаю ли я анекдот о его тёте и её коте? Я сказал, что ещё нет и он тут же начал рассказ: тётка его живёт в Гданьске, у неё есть чёрный кот и попугай... Но в этот момент боцман прервал рассказ окриком:

— Чёрт-те что, Ромек! Баум есть рутен¹⁵, а ты всё про ката...

Ромек бросил курить, и мы приступили к уборке грузовых стрел. Целые бухты тросов предстояло нам увязать — трюм за трюмом, до самого вечера. В метели, укрывшей весь порт, закончили мы «зейкляр».

При отходе от причала я оказался на корме. В ожидании отдачи последнего швартова Ромек успел рассказать мне, что тётка с котом и попугаем жила в Гданьске на пятом этаже. И опять рассказ пришлось прервать, поскольку нам нужно было ослабить натя-

жение швартового конца, а затем его выбрать и уложить.

Когда лоцман покинул борт, был уже девятый час вечера. Я заступил вперёдсмотрящим. Сквозь снежные вихри и шквалы я пытался разглядеть хоть какой-нибудь огонёк, чтобы дать о нём знать на мостик. Для этого предназначен был огромный колокол. Один удар в колокол — огонь с правого борта, два удара — огонь с левого борта, три удара — огонь по курсу, то есть по носу. Холод страшный. Я не представлял себе, что на воде зимой может быть столь холодно. Я весь ооченел, и думал, что никогда не дождусь смены.

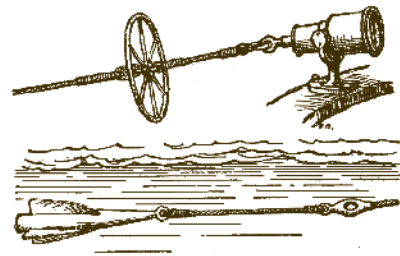
Наконец, пришёл Ромек, чтобы меня сменить. Теперь я должен дежурить на шкафуте — это вроде отдыха перед вахтой на руле. Ромек посоветовал зайти на камбуз, где попить горячего чайку.

— Открой иллюминатор, будешь слышать свисток с мостика, — добавил Ромек.

По пути на камбуз вспомнился мне наш славный кок по школе и «Львову» — Словиковский. Недавно я узнал, что наш герой русско-японской войны вроде бы тяжело заболел и умер. Со скорбью вспомнил я покойника, которому был обязан множеством сытых часов. Зимой в Морской школе или в рейсах на «Львове» он всегда оставлял мне мисочку чего-нибудь хорошего. В школе врач даже назначил мне двойную порцию, а в море я ждал мощного волнения и ветра, которые лишали аппетита некоторых моих товарищей. Вот тогда еды было вдоволь. Без помощи кока я никогда бы не выжил...

Я решил сразу же сойтись с коком на «Реве». Втиснулся я в тёмный коридорчик перед камбузом. И вдруг в полосе света, падающего сквозь приоткрытую дверь, я увидел живое воплощение покойника, нашего кока со «Львова».

— Дух! — подумалось мне. — Может от холода и голода показалось? — Но покойник не исчезал.

Ляг

Стоял на месте и улыбался, как будто меня узнавая. Я был ошеломлён. Вспомнилось мне самое результативное средство от духов. Перекрестил я его со словами:

— Всякий дух Господа Бога хвалит!

Видение не пропадало. Кок с улыбкой ответил:

— И я его хвалю! Рассказывай, как твои дела? Конечно же, голоден? Видел я тебя на палубе, но не было времени подойти. Тут я припас для тебя кое-что вкусненькое. Это тебе не «Львов». Заходи!

Ещё момент, и я узнал о тяжёлой болезни кока, её течении и счастливом выздоровлении. Когда я справился со второй уткой, несостоявшийся покойник с восторгом заметил:

— Так ведь ты вовсе не изменился!

Не успел я допить горячего чаю, как с мостика раздался свисток. Я бегом бросился наверх. Потребовалось «принести ляг».

Вахтенный офицер, наученный горьким опытом прошлого рейса, принялся с усердием объяснять мне, что судно буксирует линь с вертушкой на конце. Другой конец линя прикреплен к небольшому маховику, а тот соединён со счётчиком, показывающим число пройденных миль по количеству оборотов буксируемой на лине вертушки. Мне следует взять с собой электрический фонарик и снять с циферблата показания ляга. Большая стрелка показывает полные мили, а стрелка в маленькой окружности — десятые доли мили. Предупредил он меня, что если получу распоряжение «принести ляг», то чтобы я не откручивал сам счётчик и не приносил его на мостик, как поступил мой предшественник. Мне следует лишь прочесть количество миль по циферблату и передать эти сведения офицеру.

Продолжение на 22-й стр.

¹⁵ Баум есть рутен (кашубско-морской жаргон) — стрела наружу

ИЕЩЁ, на всякий случай, объяснил он мне, что если получу распоряжение «бросить лаг за борт», то чтобы я не повторил того, что на этом судне как-то случилось — некто выбросил за борт весь лаг, утверждая, что таков был приказ.

Слушая эти инструкции, я подумал, что офицер посмеивается надо мной, или рассказывает мне избитые флотские байки. Но Ромек позднее подтвердил, что чудеса, случающиеся с «людьми из лесов», превосходили всяческое воображение. Матросами в те времена занимались люди, не имевшие понятия о работе на судне. И, что самое страшное, совали руки в блоки, а при швартовке — ноги в петли стальных тросов, рискуя стать калеками.

После выхода из порта каждый час и двадцать минут, через которые менялись наши обязанности в течение вахты, продлевались ещё на двадцать минут, чтобы сразу установить лондонское время. Таким образом, вахта «распухла» с четырёх до пяти часов. В двадцать два сорок я встал на руль. Время тянулось невообразимо. Что я только ни делал, чтобы не заснуть! С предельным вниманием предупреждал я любую попытку судна сойти с курса, противодействуя ей рулём.

Сквозь малюсенькое окошко в переборке за спиной были видны часы в штурманской рубке. Я отметил время и решил, что в следующий раз взгляну на часы через тридцать минут. Стоя на руле, я боролся с холодом и сном продолжительное время. Мне удавалось удерживать курс с точностью до нескольких градусов. Ну, теперь-то полчаса уже прошло, подумалось мне. Я обернулся и проверил по часам. Минуту ровно две минуты.

Наконец я дождался полуночи. В кубрике мы подбросили угля в печку и принялись за еду. Об утках я уже забыл. Взялся я за лосося из консервной банки. Когда я стал беспокоиться, не чужую ли порцию ем, Ромек меня успокоил, мол еда всегда остаётся. В Гданьске ею даже подкармливают безработных моряков — «кунд» и «бичей»¹⁶.

ЗНАЧИТ

Не мог я уловить разницу между «кундой» и «бичом». Из объяснений Ромека вытекало, что «бич» — это моряк, временно оказавшийся на берегу. А вот «кунда» — это и не матрос и не коچهгар. Зимой его тянет к котлам — там теплее, а летом на палубу — там прохладнее, но работает он также на берегу, и на судно идёт без особого энтузиазма.

После лёгкой перекуски я попытался уместиться в койке. Весь период пребывания в Морской школе я спал со стопами, торчащими сквозь спинку не в меру короткой кровати. Тешил себя мыслью, что матросы японского флота спят, не укрывая стоп. Однако нынешнее моё положение делало совершенно невозможным вытянуть ноги в этом спичечном коробке, громко именуемом койкой. Геометрические фигуры, которые я применял, не приводили к желаемому результату. Прямой угол под коленками согнулся ненадолго. О том, чтобы спать по диагонали — не могло быть и речи! Разве что по хорде, но тогда моему телу пришлось бы изогнуться дугой. Исключено! Оставить согнутые в коленях ноги как касательные к койке со скамьей в основании? Нереально! Синусоида в прямоугольнике — разве что минут на десять. Косинусоида — на то же время. С лицом, прилегающим к животу и поднятыми, как перпендикуляр к телу, стопами? Абсурд!

Выручила меня запомнившаяся история из жизни людей в средние века. Ложа в те времена были небольшими и короткими,

спали в них почти сидя. Если так спать получалось в течение целой эпохи, может и мне удастся это проделать в те жалкие три часа, отведённые на сон? Таким образом, мне оставалось лишь одно — мысленно перенестись в средневековье и спать сидя. Иного выхода не было.

После трёх дней пребывания на борту мне стало казаться, что прошли уже месяцы. Этой иллюзии способствовало неисчислимое количество приёмов пищи, а также подъёмов и отходов ко сну. Сменившись с вахты в двадцать четыре часа и поужинав, мы засыпали в половине первого. Будили нас без двадцати четыре. В четыре мы заступали на вахту. В восемь — завтрак, в полдевятого опять спим, но в полдвенадцатого — обед, а с двенадцати до шестнадцати — следующая вахта. Но и поспать до двадцати нам не удаётся — в восемнадцать опять приходится заступать на двухчасовую вахту. Только теперь я почувствовал понятие «последняя собачья вахта».

Не лучше была и «первая собачья вахта», когда после восьми часов работы наступали два часа дежурства и ещё четыре после двухчасового перерыва. Стояли мы на две вахты, и трижды или четырежды за сутки приходилось ложиться спать. Наше судно было настоящим мореходным «асиндетоном»¹⁷ — между тремя словами: «работать», «есть», «спать» — не существовало никаких других. А все эти три слова представляли собой лишь варианты термина «служба».

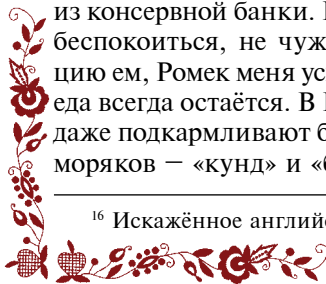
Поддержание всего судна в чистоте, покраска, скобление ржавчины, выдраивание палубы, ремонт брезентов, плетение грузовых стропов — всё это огромное количество работ прямо пропорционально сказывалось на моём аппетите. Через несколько дней из принесённых Тадеком продовольственных пайков на семерых не осталось ничего. Все были изумлены, я — тоже.

Команда парохода «Рева»

¹⁶ Искажённое английское определение *beach comber*

¹⁷ Асиндетон (из греч.) — риторическая фигура, заключающаяся в пропуске союзных слов между словами и подчинёнными предложениями

КАПИТАН

— Столько всегда оставалось, — говорили товарищи, — а теперь после трёх дней ничего уже нет.

Я не посмел поддержать эту тему, лишь в душе изумился, что так быстро всё это одолел. А ведь и у кока всегда что-нибудь для меня находилось: несколько порций гуся, кур или уток. Еды было вдосталь, поскольку погода держалась скверная, штормовая, и пассажиры почти ничего не ели.

Новость о голоде в нашем кубрике через кока стала известна интенданту. Тот каким-то образом восполнил наши убытки, и мы продержались до новых пайков. На этот раз пайки раздали каждому в руки. Когда человек нормально раз в сутки ложится спать, то весь организм функционирует в этом ритме. Если же человек ложится спать четыре раза в сутки, то и организм вынужден действовать соответственно — через двое суток от моего пайка остались лишь воспоминания.

Кубрик решил, что я болен, поскольку мало есть не в состоянии. Каждый отдал мне всё оставшееся, и при усиленной помощи кока я кое-как справился с недостатком еды.

От непрерывной работы наращивался объём мышц. Сходя на берег, я с трудом натягивал на себя выходную одежду. Своей силой я сумел растрогать даже боцмана. Однажды, после того, как мы выдраили палубу, и было доведено до всеобщего сведения, что каждый, кто не вытрет ноги у трапа, получит английское *spanking*, то есть по-нашему «трёпку», именно я стоял на вахте у трапа. Ног не вытер один из наших кочегаров.

Кочегаров, как и нас «перед мачтой», было шестеро. Все они уже давно плавали на этом судне и составляли самую, что ни на есть симпатичную компанию, какую только можно себе представить. В город они выходили одетыми как государственные мужи. Для кочегаров нашего судна были обязательны: котелок, белый

Лондонская набережная

шёлковый шарф, пальмерстон¹⁸, серые брюки в чёрную полоску, а в руке — трость чёрного дерева с серебряным набалдашником.

Самым славным из кочегаров был «Чарли». Он пленял всех умением дрессировать кошек. Умел он, к примеру, научить котёнка показывать, как спят маленькие дети. Котёнок послушно закладывал лапки за уши, укладывался на подушке Чарли и громко мурлыкал.

Однако ног Чарли не вытер. Я уложил его на левую руку, поднял и отмерил порцию обещанной трёпки. Наибольший восторг это вызвало у боцмана, в присутствии которого всё и совершилось.

— Чёрт подери! — сказал он, — это выглядело достойно!

И принёс банку лосося, чтобы сил мне прибавилось.

Довольно скоро я достиг прогресса в освоении кашубского диалекта. Это самый простой язык в мире. Хватало трёх слов, чтобы чувствовать себя на судне среди кашубов по-семейному. Это были слова: рутен, бёнэ и дубас. «Рутен» обозначало всё, что снаружи, «бёнэ» — всё, что внутри или внутри; «дубас» означало абсолютно любую вещь, настоящее название которой известно не было.

Старший рулевой, пожилой кашуб, спящий над моей кой-

кой, свободное время в портах проводил за переключиванием чего-то из одного мешочка в другой. При этом он всегда сидел с ногами, опущенными на мою койку, в этом положении я с ним и познакомился. Мешочки он держал на коленях. Что в них было — так и осталось для меня тайной.

На стоянках в Лондоне или Гулле все свободные от службы матросы отправлялись в театрики, в которых показывали и фильмы, на балет или на акробатические выступления, словом — на всё то, что могло поддержать человека, существовавшего на судне в условиях тройного ускорения. Старший рулевой оставался на своей койке и переключивал из мешочка в мешочек неизвестное нам содержимое. Как-то спросил я его, приходилось ли ему бывать в лондонских театриках? Ответил, что никогда не был «рутен», всегда был «бёнэ». Я предложил ему сходить со мной. Аккурат в этом рейсе мы стояли в Лондоне. Не сразу и очень неохотно он-таки согласился. С тех пор, как только берега Великобритании появлялись перед нами, наш старший рулевой оговаривал, что каждый свободный вечер мы с ним проведём в театре. И всегда он проявлял такой восторг, что только ради этого я готов был ходить с ним хоть бы и ежедневно.

Однажды мы встретились в порту с другим судном нашей компании, и мои коллеги по Тчеву, которые на нём были офицерами, пригласили меня на ужин. У меня с рулевым «сорвался» совместный поход в театр. Пока я готовился к нанесению визита, мой приятель, который обычно спокойно сидел на койке, стал крутиться по кубрику. Приходил, выходил, что-то приносил. Я не вмешивался, считая, что может он собирается в театр с кем-нибудь другим, или даже сам. Когда я оделся и направился на выход, то заметил, что стол накрыт к ужину значительно раньше обычного. Рулевой подошёл ко мне и заявил, что это для меня. Я ему напомнил, что собираюсь именно на ужин, но седой кашуб покачал головой и изрёк:

Продолжение на 24-й стр.

¹⁸ Пальмерстон — максимально приталенный плащ особого покроя

- СЛУШАЙ! Это будет не самое лучшее зрелище, когда ты станешь там есть. Это стыдоба для всего нашего судна и для нас, что мы тебя держим впроголодь. Я вот принёс тебе от кока утку, из провизионки — коробку крабов и от себя добавил лосося. Все просят тебя съесть это перед выходом. Будет плохо выглядеть, если ты здесь не поешь.

И что мне было делать? Не хотелось мне расстраивать рулевого. Он и так грустил, что мы не пошли в театр.

Когда я вернулся, рулевой не спал. Первыми его словами были: — Дыть, ты там не слишком много ел?

Я не мог соврать и сказал, что там было нечто совершенно иное, чем у нас: креветки, омары и индейка.

— Я не сумел им отказать — обиделись бы.

И, чтобы он мог заснуть спокойно, я попросил дать мне чего-нибудь погрызть.

Рулевой слез с койки, пошёл к своему рундуку и, неся еду, заявил, улыбаясь:

— Ты — мировой мужик!

Я от стыда покраснел и в своё оправдание напомнил, что я же болен и мало есть не могу, и ему это известно.

Монотонность нашей «ускоренной» морской жизни скрашивали лошади. Этим маленьким лошадам предстояло до конца жизни оставаться под землёй, таская вагонетки с углём. Ждала их слепота. С тяжёлым сердцем выгружали мы их в порту назначения из конюшен, возведённых у второго трюма.

Маленькие перепуганные лошадки любили, когда мы приходили их кормить и поить. Больше всего им нравились хлеб и сахар. Вспоминал я годы, проведённые в деревне, в известном Ошмянском повете, где «девичьим румянцем клевер полыхает». Напомнили они мне ночные с лошадьми на заливных лугах, костры, разведённые на полянах, рассказы о конокрадах, цыганах, нападениях волков, лесные рассветы, догорающие огнища и возвращения верхом из ночного с утренним рассветом. Отдохнувшие лошади не давали ни поймать себя, ни оседлать.

ЗНАЧИТ

Эти же, здесь, на судне, сученные в тесных временных конюшнях, не ведали даже, какая судьба им уготована. Иногда вырывались они на палубу, чтобы побегать и размять ноги. Одна маленькая чёрная лошадка своим хитроумным выскальзыванием из конюшни на палубу и ловкостью, с которой она вскарабкалась на люки трюмов, натолкнула меня на мысль вывести её ночью на следующую палубу и проехаться на ней верхом. В полной тиши на ночной вахте, когда не было даже зыби, я увёл свою верховую лошадку из конюшни. Без труда она дала вывести себя палубой выше. Сменившись с руля, я исполнял службу на шкафуте, и уже было собрался оседлать своего чёрного скакуна, как раздался свисток вахтенного офицера с распоряжением снять показания лага и «принести» на мостик. Недолго думая, я вскочил на свою лошадку и вскачь понёсся на корму. Конёк был так мал, что ногами я мог доставать палубу, но скакал живо. Остановился он как по команде, услышав моё «Тпру!». Я посветил себе фонариком, снял показания лага, спрятал фонарик в карман,

развернул лошадку, чтобы вновь на рысях двинуться в обратный путь. Побоялся я оставлять моего скакуна одного на верхней палубе, поэтому спустил его вниз и завёл в конюшню.

Отправляясь на мостик «с лагом», я испытывал прилив радости от этой конной прогулки. Никогда ещё ни на одном, пожалуй, судне на свете моряк не садился на лошадь, чтобы верхом со шкафута проскакать на корму для снятия показаний лага.

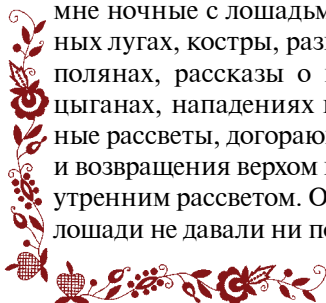
Вахтенный офицер был несколько удивлён тем, что я так долго снимал показания лага, но он слышал топот копыт и догадался, что у меня проблемы с лошадьми. Поэтому ничто не приглушило моей радости от совершённого поступка.

Когда наш старший рулевой был вынужден по своим домашним делам остаться на берегу, мне выпало поощрение в виде исполнения обязанностей старшего рулевого на время его отсутствия. Шестым в нашем кубрике оказался один из тех, кого боцман называл «кундами». Как вытекало из его откровений, мечталось ему на зиму попасть в машину, но оказался он на палубе. Я стоял на руле, а «кунда» заступил вперёдсмотрящим. Было холодно, поросил мелкий снег и дуло. Вдруг один глухой удар в колокол на баке известил о красном огне со стороны правого борта. Вахтенный офицер схватил бинокль и стал внимательно всматриваться в горизонт. Некоторое время спустя два удара в колокол возвестили о свете также и с левого борта. Снег порошить перестал. Несмотря на это офицер и в бинокль ничего не смог разглядеть. А тут опять на носу отозвался колокол. На этот раз троекратно — огонь по курсу!

Из каюты выскочил капитан. Поинтересовался у вахтенного офицера, почему в колокол бьют как в церкви? Но офицеру нечего было сказать. Капитан осмотрел горизонт в свой бинокль и свистком вызвал вахтенного со шкафута, чтобы тот пригласил вперёдсмотрящего. «Кунда» явился

**Капитан «Ревы»
Людгард Кшицкий**

КАПИТАН

«Экзекуция» юнги. Автор стоит над головой осуждённого

и с усердием доложил капитану о прибытии.

— Сукин ты сын! И где тебе эти огни померещились? И к чему ты здесь церковь устроил?

«Кунда» спокойно присмотрелся к капитану, потом провёл взглядом по горизонту и любезным тоном спросил:

— Пан капитан! А разве разворота не было?

— Сукин ты сын! Вон отсюда, придурок! Я тебе устрою разворот в преисподнюю. Кретин!

«Кунда» с мостика мгновенно исчез.

В кубрике дело прояснилось. «Кунда» разложил себе на палубе со стороны ветра толстые маты и прилёг на палубу, с тем чтобы ему стало теплее. Но, дабы судно кого-нибудь не протаранило из-за его беспечности, привлёк к работе вахтенного офицера, и подёргиванием время от времени за длинный шнур, привязанный к языку колокола, вынуждал того проявлять бдительность. Таким образом и ему было тепло и судно не подвергалось опасности.

Стоянке в Гулле сопутствовала хорошая погода. Пятеро из нас, а также боцман, плотник и Тадек единой группой красили палубные надстройки в районе салона. Только «кунду» с утра никому не удавалось найти. Появился

он лишь перед обедом, и, увидев боцмана, с хорошо поставленным удивлением в голосе спросил:

— И где это вы все были? С утра вас ишу и найти не могу.

— Чёрт подери, «кунда»! — проворчал боцман. — Мы все за тебя работаем. И выглядит это недостоинно!

С этого времени «кунда» получил новое ироничное имя — «Странствующий Рыцарь». Плотник выстругал ему огромный деревянный рыцарский меч и подыскал какую-то цепочку, на которой повесил металлический диск, исполнявший роль нагрудной гербовой пластины. Когда пришёл знакомый уличный фотограф, мы тут же сделали памятный снимок «Странствующего Рыцаря». Потом один из юнг повесил пластину себе на шею. За эту тягу стать «кундой» мы приговорили его к обезглавливанию. «Экзекуцию» деревянным мечом провёл Чарли. Фотограф увековечил и эту, как бы то ни было, редкую сцену средневековой экзекуции на современном пароходе...

На обратном пути, сопровождаемые плотной вьюгой, мы вышли из Гольтенау в Балтийское море. Во время прохождения канала капитан вроде бы получил неприятное сообщение, которое его расстроило. Мы с Ромеком

стояли на палубе у салона в ожидании наступления двадцати часов — начала нашей вахты. Ромек уже в сотый раз рассказывал мне историю тётки, кота и попугая. Эту историю я знал уже наизусть. Все знали. Но Ромек считал её чем-то вроде личного шпюгера, и приходилось терпеливо слушать её, изображая заинтересованность. Иначе Ромек чувствовал бы себя обделённым.

Продолжал он рассказ о том, как тётка покупала уголь у чело-века, который на тележке развозил топливо по дворам громко при этом горланя: *Kohle! Kohle! Kohle!* Стоило только крикнуть в окно: *Kohle hier!*¹⁹, как в дверь уже стучал угольщик с полным мешком угля. Только добрались мы до места, когда попугай на крик *Kohle! Kohle!* — ответил с балкона *Kohle hier! Kohle hier!* — как почувствовали сильное сотрясение всего корпуса. Затем случился второй толчок и третий. Судно неожиданно потеряло ход. Мы плотно сидели на мели.

— *All hands on deck!* Все наверх! — В условиях пурги мы принялись готовить судно к снятию с мели собственными силами. На корме размещался используемый для этих целей заvoyной якорь. Нам требовалось подойти на двух спасательных шлюпках под вывешенный за борт якорь, затем подвесить его вместе с якорным стальным канатом на балку между шлюпками. Далее следовало с этим якорем отойти от судна возможно дальше и спустить его в воду. После нашего возвращения на борт якорный канат выбирался с помощью брашпиля и судно таким образом стягивалось с мели.

С вывешиванием якоря за борт мы, невзирая на пургу, справились без проблем. А вот спуск на воду спасательных шлюпок в непогожую ночь был делом несравнимо более трудным. И всё это выпало делать нам — палубной команде. Кочегары в этой работе участия не принимали, поскольку непосредственной угрозы для судна не было.

Швыряемые волнами спасательные шлюпки вслепую отошли от борта судна, направляясь под его корму.

Продолжение на 26-й стр.

¹⁹ *Kohle hier* (нем.) — уголь сюда

Пароход «Рева»

Начало на 14-й стр.

ПОПЕРЁК шлюпок мы уложили огромный брус, подвесили к нему якорь, мощные лапы которого оказались между шлюпками, угрожая проломить им борта. Когда управились мы с якорем, то стали принимать на обе шлюпки сотни витков стального каната. Его укладку на качающиеся шлюпки была, пожалуй, самой непростой частью задачи. Работали мы при освещении вывешенных за борт прожекторов. Их лучи с трудом пробивали густой снег.

Наконец, приняли мы соответствующее количество стального каната, который должен был разматываться после отдачи якоря, и огромный его запас, позволявший отойти от судна к якорному месту. Выгребали мы вслепую, протягивая за собой стальной канат. Когда шлейф каната стал слишком тяжёл и превысил наши возможности продвигаться вперёд, мы принялись сбрасывать его витки, уложенные на шлюпках. Перестали быть видны прожектора, когда мы исчерпали силы для дальнейшего продвижения. Тогда канат, на котором якорь был подвешен к поперечному брусу, был перерублен. Якорь ушёл на дно, увлекая за собой оставшиеся витки.

Теперь, так же вслепую, нам предстояло вернуться к судну на двух связанных между собой шлюпках. Гребли мы без особой надежды на то, что не промахнёмся. Но на судне догадались, что нам грозит, и стали обозначать своё местоположение сиреной. Причалили мы к борту, разделили шлюпки и по очереди подняли их на палубу.

Затем был приведён в действие брашпиль, выбиравший якорный канат. Канат скрипел и пружинил, но судно даже не вздрогнуло. В конце концов якорь оказался под кормой, а мы продолжали торчать на мели. Якорь был поднят и водворён на своё место.

ЗНАЧИТ

Только к пяти часам утра нам, наконец, удалось добраться до нашего кубрика. Мы так опухли от холода, что не смогли снять одежду. Чтобы не промочить койки, легли мы на палубу и мгновенно провалились в мертвецкий сон.

На следующий день подошло два больших спасательных буксира, которые после двадцати шести часов работы сняли нас с мели. Совесть капитана была чиста — собственными силами судну сойти не удалось.

Когда из Гданьска судно вышло в очередной рейс на Гульль, в Брунсбюттеле мы получили очень неблагоприятный прогноз погоды для Северного моря. Тем не менее, мы вышли из канала, чтобы не нарушать расписания. Уже у плавучего маяка «Эльба-1» нас подждал сильный западный ветер. Несмотря ни на что, мы путь продолжили. Через несколько часов волнение усилилось настолько, что не могло быть и речи о том, чтобы после вахты пробиться в наш кубрик под баком. Вся носовая оконечность практически непрерывно находилась под пенными валами, несущимися со страшной силой. Смыли бы они каждого, кто осмелился оказаться на их пути.

Поэтому отправились мы спать в кубрик кочегаров, расположенный на шкафуте. В ноль часов мы вновь заступили на вахту. Я стоял на руле. Мы находились между чёрными вулканами, дымящимися где-то вверху плюмажами белой фосфоресцирующей пены. Судно взбиралось на огромные волны, как бы оседая на корму. Это напоминало бессилие насекомого, выбирающегося из покатоной скользкой посуды. Когда волна с шумом проходила вдоль борта, то казалось, будто волокна она нас за собою втягивает. В долинах между горами было довольно тихо, однако после выхода на гребень волны, судно подвергалось бешеной атаке вихря и пены. Корпус дрожал, надстройки покрывала густая, гонимая ветром пена.

Стоять на руле в таких условиях было сродни колдовскому

искусству. Предвидеть, что волна с нами сделает, каким образом развернёт нос или корму, было немислимо. Удерживание судна на курсе становилось иллюзорным, а любое его положение бортом к волне грозило катастрофой.

На мостике стонали звонки тревожной сигнализации, автоматически принимающие на волне SOS мольбы о помощи. Радиотелеграфист постоянно приносил капитану сообщения, что на таких-то координатах находятся суда с разбитыми мостиками, смытыми в море людьми, со сместившимся на борт грузом, с открытыми трюмами. Мы были беспомощны, с трудом борясь за каждый час своего существования.

Мне показалось, что я начал постигать тайну удерживания судна на курсе. Отклонения вправо и влево в пределах четырёх румбов я считал успехом, поскольку после таких изменений курса судно незамедлительно его восстанавливало. Подобные отклонения были неизбежны из-за того, что судно полностью переставало слушаться руля. Рукам, удерживающим штурвал, передавалось бессилие руля. Но значительных отклонений обычно как-то удавалось избежать.

К моменту, когда пришла смена, я уже было стал гордиться своими достижениями в управлении судном. Вахту я сдал преемнику Странствующего Рыцаря, которого списали с судна, не дожидаясь возвращения старого рулевого, и направился к капитану доложить о сданном курсе. В ответ я услышал:

— Сукин сын! Ну ты и рулил!

Травимый горечью, я сошёл с мостика, в размышлениях о разнице моей собственной и капитанской оценке того, как я стоял на руле. Мне казалось, что я это делал почти виртуозно, а тут...

По свистку с мостика я вернулся к вахтенному офицеру. Тот крикнул:

— К капитану!

Я направился к капитану. Как только он меня заметил, рявкнул:

— Сукин ты сын! Становись на руль!

КАПИТАН

Новый матрос был, по определению боцмана, «чистым дикарём», и справиться с удержанием курса был не в состоянии. Я вновь встал на руль. Волна стала ещё круче. К ней нужно было приноровиться. Любые указания были бессмысленны: как определить ощущением рук, что руль «берёт»? А о том, что судно «слушается» руля, не могло быть и речи.

Трудно было себе представить, чем обернётся для нас этот шторм, если ветер не начнёт стихать. Пассажиров пришлось закрыть в помещениях и не выпускать на палубу, чтобы не вызвать паники. Однако ничто не мешало думать о том, чтобы пробиться в Англию, поскольку лежали мы на заданном курсе. И ни о чём больше. Даже возвращение в Брунсбюттель было невозможно. Поставить судно бортом к такой волне было сродни самоубийству. Мы отдавали себе отчёт в том, что можем устоять лишь при единственном условии — если не дадим волне полностью захлестнуть палубу.

В четыре утра я сдал руль матросу следующей смены. На мостике на вахту заступил первый офицер, а капитан отправился отдыхать в свою каюту. Наша вахта решила не спускаться в кубрик кочегаров. Устроились мы между надстройками. Волна, накатывавшаяся с бортов, заливала палубу, на которой мы стояли. Становясь друг к другу спинами, мы распирались между надстройками ногами и руками на манер пауков. При приближении волны мы подтягивались кверху, чтобы волна нас не смыла. Судно находилось на траверзе Тершеллинга. Вскоре место между надстройками удерживать стало невозможно, и мы с Ромеком укрылись у схода в машинное отделение. Наступал рассвет.

Вдруг мы почувствовали, что с судном происходит что-то стран-

Пароход «Рева»

ное. Сложилось впечатление, что идём ко дну. Мы с трудом удержались в воде у дверей в машину. С мостика донёсся голос:

— Все навстреч!

Пока непросто было уяснить, что же произошло. Мы двинулись навстречу. Но половина мостика отсутствовала — попросту перестала существовать. Перестала существовать и веранда под мостиком. Вся плетённая мебель с неё была смыта, а мощная лобовая стенка салона была вогнута и разорвана. Вода ворвалась в столовую. Первый офицер спасся исключительно благодаря самообладанию, поскольку перед самым ударом волны успел укрыться в штурманской рубке. Трагичным представлялось и положение на баке — леера исчезли. Но опаснее всего выглядели первый и второй грузовые трюмы. Огромный второй трюм был полностью вскрыт и зиял обнажённым нутром, в которое в любой момент могла хлынуть очередная волна и потопить судно. От брезентов и лючин не осталось и следа. В углу палубы громоздились остатки коноушны, сметённые ворохом, как куча соломы. Под досками видны были лошади, сваленные одна на другую.

В этот момент не оставалось ничего другого, как лечь на обратный курс. Если нам удастся развернуться, не получив при этом удар волны в борт, то мы удержимся, несмотря на вскрытые трюмы. Если всё останется так, как есть — затопление судна станет неизбежным. Это лишь дело времени, причём очень короткого времени — до очередной более-менее крупной волны, которая зальёт палубу, как и предшествующая.

Первый офицер тут же вызвал по переговорной трубе капитана. В ответ услышал:

— А стоит ли мне выходить на палубу? Мы идём ко дну? — Капитан в иллюминатор своей каюты вместо веранды мог видеть лишь бурлящую воду.

— Оба трюма открыты, первый частично, второй — полностью, — ответил первый офицер.

Те, кто пребывал на палубе, собрались у шлюпок без всякого, в общем-то, желания спастись на них. Все ждали, удастся ли развернуть судно? Через столовую и кухню на палубу у дымовой трубы выбрались двое украинцев, отправлявшихся в Северную Америку. Стояли они в немом ужасе, наблюдая за кипящими вершинами чёрных водяных вулканов, белые плюмажи которых дымили по ветру.

— Подывысь! Што это з нами? — наконец выдавил из себя один из них.

Судно начало разворот. Мы стояли молча, и каждый, скорее всего — инстинктивно, молился как мог. Если дымящаяся гора свалится на нас, не спасётся никто! Нервы понесли нас всех к переходу у салона над вторым трюмом. Это было самое опасное место, и в этот момент именно здесь решалась судьба судна и наша.

Судно напоминало человека с растерзанным брюхом и вырванными внутренностями. В состоянии агонии. На момент мы оказались в пропасти между горами. Сдавалось, что в ней тихо и безопасно. И тут наступил критический миг — судно обратилось бортом к надвигающейся могучей волне. Успеет ли развернуться, или нас захлестнёт? Мы все замерли в ожидании. Волна приближалась, дымя где-то там, наверху. Приходилось почти закрывать голову, чтобы разглядеть её кратер. Все затаили дыхание.

Удалось! Когда вся эта масса сваливается на палубу, мы уже лежим на встречном курсе. Всё, закреплённое на юте, исчезло за бортом. Ушли даже двери кормовых кают, прихваченные уходящей волной.

Но второй трюм залит не был. Мы в состоянии принять схватку. Во втором трюме у носовой переборки лежат запасные лючины. На остальном пространстве — промокшие мешки с мукой. Все свободные от занятий, не связанных с движением судна, включаются в работу. Вместе с кочегарами я отправляюсь в трюм за лючинами. Спускаюсь на самое дно трюма. Двое кочегаров занимают места на более высоких уровнях.

Окончание на 28-29-й стр.

ОРГАНИЗУЕМ «цепочку» до главной палубы. Огромную доску, которую обычно я поднял бы с трудом, подбрасываю вверх, как будто она весит несколько килограммов. Кочегары ждут, расставив руки. Если не смогут доску удержать, она свалится мне на голову. Однако прежде, чем я успеваю приготовить к броске следующую лючину, первая уже исчезает за комингсом.

На палубе чудеса проявляет боцман «Мальчик-с-пальчик». Огромную лючину он зажимает подмышкой на манер зонтика и несётся с ней, бормоча под носом: — Дыть, детишечки! Детишечки! — А было у него их тринадцать.

Доски с гулом прямо-таки летят вверх. Никто не чувствует усталости. Стремительно «зашиваем» страшную брюшную рану. Уже трепещут брезентовые пластыри. Закрепляем их трёхдюймовыми тросами. И первый трюм тоже уже приведён в порядок.

Теперь всё внимание было обращено к нашим лошадам. Одна из тех, которой удалось выбраться из-под досок, ведёт себя как маленькая собачонка: ищет у нас спасения, постоянно всовывая голову кому-нибудь из нас подмышку и мешая работать. Мы её гладим, похлопываем, но отрываться от нас она не желает.

Приступаем к разборке досок с живой горы в ожидании увидеть раздавленных животных. Но лошади — о, чудо! — целы. Как только какая-нибудь поднимается, отряхивается, распрямляет ноги, то жмётся к морякам под мышки, как и первая. С удивлением рассматриваем невредимых животных. Лишь у последней, в самом низу, сломана нога. Кроме того, шесть лошадок смыло за борт.

Лошади позволили нам хоть на момент забыть о всё ещё грозящей опасности. Ведь в любой момент дымящаяся гора, скорость которой значительно превосходила ход нашего судна, может нас похоронить. О том, чтобы спастись на шлюпке, разговора даже быть не могло. Время стало тянуться неимоверно. Минуты превращаются в часы. Ещё пять полных часов хода остаётся нам до устья Эльбы. Высматриваем плавучий маяк «Эльба-1». Ведь уже дол-

жен быть?

ЗНАЧИТ

* * *

В это самое время началось становление Польского Трансатлантического Судходного Общества, в дальнейшем ГАЛ (Гдыня-Америка Линии). После договорённости с датчанами Старик, Саблист, я и ряд других выпускников Тчевской морской школы оказались на трёх судах общества *Det Østasiatiske Kompagni* в качестве практикантов. Капитаны и команды состояли ещё из датчан. Однако в ближайшем будущем нам предстояло эти суда у них принять, поскольку перешагнули они под польский флаг.

На мостике большого датского пассажирского трансатлантического лайнера стоял на вахте Старик. На его лице сияла довольная мина. Только что по пути в Нью-Йорк судно, выходя в океан, миновало мыс Рэт.

Сменившись с вахты, Старик ворвался в каюту Саблиста:

— У меня для тебя есть работа!

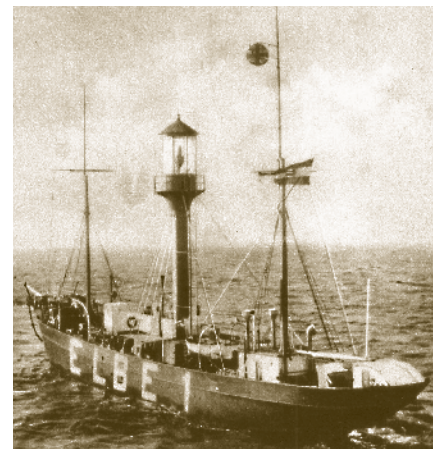
— Что за работа? — поинтересовался Саблист.

— Капитан поручил тебе сделать карту океана. Знаешь, такой английский прокладочный лист, *plotting sheet*, для нашей трассы.

— Что? — глаза Саблиста округлились настолько широко, будто он желал охватить ими всю фигуру Старика.

— Ну, такую, знаешь, карту без берегов, на которой ведётся навигационная прокладка, — объяснял Старик.

— Как это — поручил мне сделать? Ведь существуют такие карты Адмиралтейства.

Плавучий маяк «Эльба-1»

Но плавмаяка нет и никогда мы его уже не увидим. Со всеми людьми был он затоплен штормом за несколько часов до того, как нас разбило...

Без лоцмана заходим в устье Эльбы. Лоцманским судам тоже пришлось укрыться в порту. Входим в Куксхафен. Вдоль набережной стоят суда. Некоторые из них искорёжены значительно больше нашего. Накренённым на борт стоит зерновоз, за ним судно без мостика, а следующее — без спасательных шлюпок. На многих из них трепещут в порывах страшного западного ветра наполовину приспущенные флаги. По очереди отдаём честь памяти тех всех, кто остался между чёрными вулканами водяных гор. Швартуемся к набережной, занимая место в строю тех, кому удалось вернуться с моря.

На следующий день судно превращается в верфь. Десятки судоремонтников быстро устраняют повреждения, готовя нас к выходу в море. Было у нас немного времени, которое мы могли провести на берегу. Ромек после многих, очень многих рюмочек в сто первый раз рассказал мне историю о своей тётушке:

— На крик попугая: *Kohle hier! Kohle hier!* в дверь тётушки постучал угольщик с полным мешком угля на спине. Поскольку это был не тот, у которого тётушка постоянно брала уголь, обругала она его, утверждая, что никто у него угля не заказывал. Но угольщик требовал заплатить за беспокойство, утверждая, что чётко слышал, как тётушка кричала: «Уголь сюда! Уголь сюда!» Тётушка догадалась, что это был попугай. Дала полгульдена угольщику и решила отлупить птицу. Попугай в самом начале скандала предусмотрительно спрятался под кроватью. Взбешённая тётушка, не найдя попугая, турнула кота. Перепуганный кот, не понимая в чём дело, так понёсся в укромный уголок под кроватью, что едва не разбился о её ножку. Наблюдая всё это, попугай спрашивает кота:

— И ты, что ли, заказывал уголь?

КАПИТАН

— Сам подумай! Если бы они были, то не нужно было бы их делать. А раз их нет, то придётся.

— Как это — нет? Ты о чём? — встревожился Саблист.

— Слушай! Ну, раз нет, то нет. Что я могу ещё сказать? А раз нет, то тебе придётся её сделать. Штурман забыл эти листы заказать. Когда мы миновали мыс Рэт, капитан стал их искать, но не нашёл.

— А меня с какой стати это касается? Понятия не имею, как такая карта делается, — прервал Саблист.

— Видишь ли, это было так. Когда капитан начал «разносить» штурмана, тот с перепугу слова не смел сказать. Не мог же я такой ситуацией не воспользоваться.

— Ну и что? — заинтересовался наконец Саблист.

— Ну и я сказал, что такой пустяк мы легко сможем сделать.

— Вот и делай! — подвёл итог Саблист.

— Слушай! Ведь если бы я умел, то не пришёл бы к тебе с этим капитанским поручением.

— Ну, а зачем ты стал языком трепать, что мы можем и сделаем?

— Как это зачем? Я ведь был уверен, что ты сумеешь. А во-вторых, признайся, что ты бы тоже воспользовался такой ситуацией при виде перепуганного третьего офицера? Наверняка ты тоже сказал бы, что сотворить такую простенькую карту для нас не проблема.

— Но я ведь понятия не имею, как это делается! Забыл!

— Но ответь, ты бы тоже сказал, что сделаем такую карту? — настаивал Старик.

— Может быть и сказал, если бы был убеждён, что ты сможешь.

— Ну вот видишь! Я сделал то же самое, будучи уверен, что ты сумеешь. Ведь у «Тося» Ледуховского по штурманскому делу у тебя была четвёрка. Ведь поставил он тебе её не за «красивые глазки»? Учебник Тося у тебя есть?

— Есть.

— Тогда штудируй его и наберись ума. А я пойду к механикам за бумагой и тушью. Циркули и рейсфедеры у меня есть.

Через четыре часа Старик вошёл на мостик, неся огромный лист ватмана. Шла смена вахты. Датский капитан продолжал срывать злость на штурмане по поводу незаказанных карт.

Старик разложил карту на штурманском столе с такой миной, будто это был лист обёрточной бумаги. Будто бы никому не пришлось ничего рассчитывать и вычерчивать. А ведь все меридианы и параллели были чисто выведены тушью, масштаб читаем, цифры, обозначающие параллели, прописаны тушью как напечатанные. Внизу был приведён масштаб карты и конструктивная параллель. Вид карты вернул капитану настроение. Он улыбнулся Старика и сказал:

— *Very good, very good indeed.*²⁰

Старик отдал честь и на крыльях радости спорхнул в каюткомпанию на полдник.

* * *

Некоторое время спустя наступил исторический момент. В командование первым польским пассажирским трансатлантическим лайнером «Пулаский» вступил первый польский капитан. Здороваясь с нами, капитан сказал:

— **ЗНАЧИТ**, приветствую вас!

Это был наш старый капитан с учебного судна «Львов». Когда позже мы собрались в салоне, капитан выразил большое удовлетворение от характеристики Саблиста и Старика, каткую он услышал из уст своего датского предшественника:

— Значит, очень мне было приятно, когда я услышал о ваших недюжинных способностях именно сейчас, когда вы становитесь офицерами на этом судне. Вы сильно изменились. Значит, мне хотелось бы узнать, чем вы так импонировали датскому капитану?

— Отсутствием субординации, пан капитан! — с улыбкой ответил Старик.

Капитан воспринимал юмор несколько иначе, чем это делал Старик:

— Значит, как это? Не понимаю. Значит, совсем наоборот, капитан особо подчёркивал вашу дисциплинированность.

Капитан Антоний Ледуховский

Старик, вовсе не смутившись, пояснил:

— В ходе предыдущей службы мы научились под словом «субординация» понимать необходимость не быть умнее своего начальника.

«Значит капитан» молча, но внимательно слушал. Мы вдруг осознали, что такого рода беседа с сухим командором военно-морского флота, жёстким, наверняка лишённым чувства юмора, требовательным и мелочным, не терпящим возражений, приняла неподобающий оборот. Отступить было поздно. Потому Старик продолжил, но уже в попытке как можно быстрее прояснить ситуацию:

— Штурман, забывший заказать *plotting sheet*, был настолько перепуган недовольством капитана, что не догадался эту работу сделать сам. Я же воспользовался ситуацией и сказал, что этот пустячок мы охотно исполним.

Капитан мягко глянул на Старика и сквозь стиснутые, как всегда, зубы произнёс:

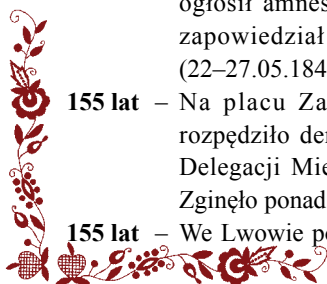
— Значит, если вы таким образом понимаете несубординацию, то я бы предпочёл, чтобы вы и впредь продолжали несубординацию соблюдать.

Продолжение в следующем номере.

²⁰ *Very good, very good indeed* (англ.) — очень хорошо, в самом деле очень хорошо

- 1050 lat** – Mieszko I wraz z dworem przyjął chrzest. Był to początek chrystianizacji Polski (14.04.966).
- 595 lat** – Zawarto sojusz Polski z Marchią Brandenburską skierowany przeciwko Krzyżakom (8.04.1421).
- 515 lat** – Zmarł w Toruniu król Polski Jan I Olbracht (17.06.1501).
- 465 lat** – Śmierć Barbary Radziwiłłówny, królowej polskiej (8.05.1551).
- 440 lat** – Ślub i koronacja Stefana Batorego i Anny Jagiellonki w Krakowie (1.05.1576).
- 405 lat** – Zdobycie Smoleńska przez wojska polskie (13.06.1611).
- 360 lat** – W katedrze lwowskiej Jan Kazimierz złożył śluby przed obrazem Najświętszej Panny Łaskawej. Ogłosił Maryję królową Korony Polskiej (1.04.1656).
- 360 lat** – Zwycięstwo Stefana Czarnieckiego pod Warką (5.04.1656).
- 360 lat** – Rosja wypowiedziała wojnę Szwecji i rozpoczęła działania w Inflantach i w Finlandii (17.05.1656).
- 360 lat** – Oblężenie Warszawy przez wojska polskie z Janem II Kazimierzem na czele, zakończone wyzwoleniem miasta (30.05.–1.07.1656).
- 330 lat** – W Moskwie podpisano pokój „wieczysty” z Rosją. Rzeczpospolita zrzekła się Ukrainy lewobrzeżnej z Kijowem oraz ziem: smoleńskiej, siewierskiej i czernihowskiej (6.05.1686).
- 320 lat** – W Wilanowie zmarł król Jan III Sobieski (17.06.1696).
- 225 lat** – Sejm Wielki uchwalił Ustawę Rządową, czyli Konstytucję, największe dzieło prawno-polityczne Rzeczypospolitej (3.05.1791).
- 225 lat** – Sejm uchwalił prawo o miastach królewskich (17.04.1791).
- 195 lat** – Walerian Łukasiński założył w Warszawie Towarzystwo Patriotyczne, którego celem było zjednoczenie ziem polskich z Królestwem (1.05.1821).
- 185 lat** – Korpus generała Dwernickiego, liczący 5 tysięcy żołnierzy, pokonał Rosjan pod Boremlem. Wcześniej generał Dwernicki zajął Lublin i Zamość (19.04.1831).
- 185 lat** – Korpus generała Józefa Dwernickiego został wyparty za granicę austriacką i został tam internowany (27.04.1831).
- 175 lat** – W Wielkim Księstwie Poznańskim założono Towarzystwo Naukowej Pomocy, którego długoletnim prezesem został Hipolit Cegielski (19.04.1841).
- 175 lat** – W Paryżu zmarł Julian Ursyn Niemcewicz (21.05.1841).
- 170 lat** – Car Aleksander II podczas wizyty w Warszawie ogłosił amnestię dla polskich emigrantów oraz zapowiedział uwolnienie zesłańców z Syberii (22–27.05.1846).
- 155 lat** – Na placu Zamkowym w Warszawie wojsko rozpendziło demonstrację przeciwko rozwiązaniu Delegacji Miejskiej i Towarzystwa Rolniczego. Zginęło ponad dwieście ludzi (8.04.1861).
- 155 lat** – We Lwowie po raz pierwszy zebrał się Galicyjski Sejm Krajowy (15.04.1861).
- 155 lat** – Ogłoszono ukaz carski o zamianie pańszczyzny okupem (16.05.1861).
- 150 lat** – Powołane zostało Zjednoczenie Emigracji Polskiej we Francji (22.05.1866).
- 150 lat** – Podjęto próbę wywołania powstania wśród katorżników polskich wysłanych z Irkucka na budowę drogi wokół jeziora Bajkał (.06.1866).
- 115 lat** – Strajk szkolny dzieci we Wrześni pod Poznaniem wywołany na skutek próby wprowadzenia nauki religii w języku niemieckim (.05.1901).
- 110 lat** – SDKPiL wstąpiła do Socjaldemokratycznej Partii Robotniczej Rosji (24.05.1906).
- 110 lat** – W Wilnie utworzono Towarzystwo Gimnastyczne „Sokół” na wzór lwowskiego i krakowskiego (10.06.1906).
- 105 lat** – Rząd pruski zakazał Polakom kupna ziemi w prowincjach poznańskiej i zachodniopruskiej (17.05.1911).
- 100 lat** – W Królestwie po raz pierwszy wprowadzono czas letni (30.04.1916).
- 95 lat** – Zostały otwarte pierwsze Targi Poznańskie (2.04.1921).
- 95 lat** – Uruchomiono pierwsze połączenie lotnicze pasażerskie na trasie Warszawa–Praga–Paryż (12.04.1921).
- 95 lat** – Wybuchło III Powstanie Śląskie (2/3.05.1921).
- 95 lat** – Nawiązano stosunki dyplomatyczne z Rosją Sowiecką (25.05.1921).
- 90 lat** – Polskie Radio w Warszawie rozpoczęło systematyczne nadawanie audycji przez 6 godzin dziennie (18.04.1926).
- 90 lat** – Powstał gabinet centroprawicowy Wincentego Witosa (10.05.1926).
- 90 lat** – Zamach stanu dokonany przez marszałka Józefa Piłsudskiego (12.05.1926).
- 90 lat** – Rząd Witosa złożył dymisję na ręce prezydenta Stanisława Wojciechowskiego, natomiast prezydent zgłosił tę dymisję marszałkowi Sejmu Maciejowi Ratajowi i złożył swój urząd (14.05.1926).
- 85 lat** – W Raszynie pod Warszawą uruchomiono najsilniejszą w Europie radiostację (24.05.1931).
- 80 lat** – Komitet ortograficzny przedstawił zmiany w pisowni polskiej (21.04.1936).
- 75 lat** – Polski niszczyciel ORP „Piorun” brał udział w pościgu za niemieckim okrętem liniowym „Bismarck” (26.05.1941).
- 75 lat** – W Nowym Jorku zmarł Ignacy Paderewski, wybitny pianista, kompozytor, pedagog, mąż stanu, premier Rzeczypospolitej w 1919 roku (29.06.1941).
- 70 lat** – Odbłyło się ogólnopolskie referendum (30.06.1946).
- 60 lat** – Sejm uchwalił amnestię, która objęła przede wszystkim przestępstwa polityczne. Z 70 tysięcy więźniów połowa opuściła więzienia (27.04.1956).
- 60 lat** – Poznański Czerwiec. W czasie dwudniowych walk strajkujących robotników z wojskiem zginęło 75 osób, około 800 zostało rannych (28.06.1956).
- 50 lat** – Odbłyły się uroczystości w 1000 rocznicę chrztu Polski (14-17.04.1966).
- 30 lat** – Zmarł Karol Olgierd Borchardt, kapitan żegluga wielkiej, prozaik marynista (20.05.1986).

Kogo bieda dusi, ten wszystko musi

Нужда пляшет, нужда плачет, нужда песенки поёт

Robota sama się chwali

Дело не ворона, не каркает, а скажется

W Pacanowie kozy kuja

Говорят, в Москве кур доят

Bieda rozumu nauczy

Беды мучат, да уму учат

Nagi rozboju się nie boi

С голого взятки гладки

Od nieszczęścia się nie tyje

Не работа сушит, а забота

I tak mija dzień za dniem

День да ночь и сутки прочь

Pieniądz robi pieniądz

Деньги к деньгам льнут

Co się kupi tanio, psom się to dostanie

Дорого да мило, дешёво, да гнило

Nie ma zlej drogi do mojej niebogi

И семь вёрст не околица

Do obiadu łyżka droższa

Дорого яичко к светлому дню

Dobry kogut nigdy nie jest flusty

Драчливый петух жирен не бывает

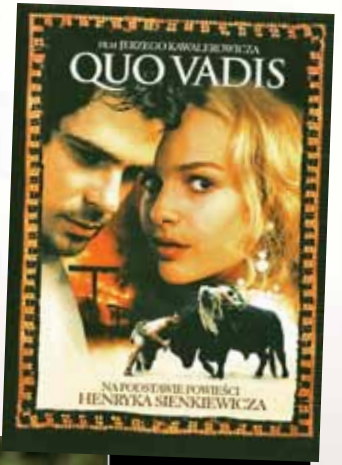

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**
№ 2 (50) 2016 r.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.
Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.
Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077
Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**
№ 2 (50) 2016 г.

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.
Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.
Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077
Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар–центр, 350000, Россия

Apostol Pawel w wykonaniu Franciszka Pieczki

